

РИК РИОРДАН

ПЕРСИ ДЖЕКСОН

И ЛАБИРИНТ
СМЕРТИ

Вселенная Перси Джексона

Рик Риордан

Перси Джексон и лабиринт смерти

«ЭКСМО»

2008

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(Сое)-44

Риордан Р.

Перси Джексон и лабиринт смерти / Р. Риордан — «Эксмо»,
2008 — (Вселенная Перси Джексона)

ISBN 978-5-04-174275-1

Лука, сын Гермеса и злейший враг Перси, стал верным приспешником титана Кроноса. И теперь ждет, когда его страшный повелитель воскреснет. Тогда Кронос уничтожит лагерь Полукровок. А потом бросит свою армию на штурм Олимпа... И чтобы сорвать его планы, нужно совершить подвиг. Аннабет Чейз, Перси Джексон и их друзья направляются в Лабиринт, созданный когда-то Дедалом. Это темное и опасное место, полное тайн и чудовищ. Тот, кто подчинит Лабиринт своей воле, сможет быстро и безопасно перенестись в любую точку пространства. Друзья должны опередить Луку и раскрыть тайну Лабиринта — иначе в предстоящей битве у них не будет шансов на победу. Цикл о Перси Джексоне стал классикой фэнтези для подростков и принес своему автору мировую известность. Книги Рика Риордана проданы тиражом свыше 100 миллионов экземпляров. Это четвертая книга о Перси Джексоне.

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(Сое)-44

ISBN 978-5-04-174275-1

© Риордан Р., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	27
Глава четвертая	36
Глава пятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Рик Риордан

Перси Джексон и Лабиринт смерти (#4)

Rick Riordan

The Battle of the Labyrinth

© 2008 by Rick Riordan.

Cover © by Helge Vogt, Carlsen Verlag GmbH, Hamburg

Permission for this edition was arranged through the Gallt and Zacker Literary Agency LLC.

© Хромова А., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Бекки, которая всегда находит выход.

Глава первая

Я сражаюсь с чирлидерами

Чего мне не хотелось на летних каникулах, так это взорвать еще одну школу! И тем не менее утром в понедельник, в первую неделю июня, я сидел в маминой машине напротив старшей школы Гуд на Восемьдесят второй улице.

Школа Гуд – большое здание из бурого песчаника, которое выходит на Ист-Ривер. Перед ней было припарковано стадо BMW и «Линкольнов». Я смотрел на вычурную каменную арку и прикидывал, через сколько времени меня отсюда вышибут.

– Успокойся, ладно?

Мамин голос звучал отнюдь не спокойно.

– Это всего лишь день открытых дверей. И помни, дорогой: это школа Пола. Так что постарайся не... ну, ты понимаешь.

– Не разрушить ее?

– Ну да.

Пол Блофис, мамин бойфренд, стоял на крыльце, приветствуя будущих девятиклассников. Темные с проседью волосы, джинсовый костюм, кожаная куртка – он напоминал мне какого-то актера с телевидения, хотя на самом деле он всего лишь учитель английского. Ему удалось уговорить школу Гуд принять меня в девятый класс, невзирая на то что меня последовательно вышибали из всех школ, куда я когда-либо поступал. Я его пытался предупредить, что идея неудачная, но он и слушать ничего не желал.

Я посмотрел на маму.

– Ты ведь не сказала ему, кто я такой на самом деле, да?

Она нервно побарабанила пальцами по рулю. Мама оделась так, будто собиралась на собеседование: в свое лучшее синее платье и туфли на высоком каблуке.

– Я решила, что лучше подождать, – призналась она.

– А то еще спугнем.

– Перси, я уверена, что все пройдет отлично. Это ведь всего на одно утро.

– Круто... – буркнул я. – То есть меня могут выгнать еще до начала учебного года!

– Мысли позитивней! Завтра ты едешь в лагерь. А после дня открытых дверей у тебя свидание...

– Да какое это не свидание, мам! – возмутился я. – Это просто Аннабет! Ну е-мое!

– Ага, она приедет сюда из лагеря, чтобы встретиться с тобой.

– Ну да...

– И вы пойдете в кино.

– Ага.

– Вдвоем.

– Ну мам!

Она вскинула руки, показывая, что сдается, но я видел, что она с трудом сдерживает улыбку.

– Ладно, сынок, ступай. Вечером увидимся.

Я уже собирался выйти из машины, когда мой взгляд упал на школьное крыльцо. Пол Блофис приветствовал девочку с курчавыми рыжими волосами. На ней была бордовая футболка и потертые джинсы, разрисованные маркером. Она обернулась, я мельком увидел ее лицо, и волосы у меня на руках встали дыбом.

– Перси! – окликнула мама. – Что-нибудь случилось?

– Н-ничего... – выдавил я. – Слушай, а черный ход у них тут есть?

– За углом направо. А что?

– Ну, пока.

Мама начала что-то говорить, но я выскочил из машины и бросился бежать, надеясь, что рыжая меня не увидит.

Она-то что тут делает? При всем моем невезении, это уже чересчур!

Ну да, конечно. Мне предстояло обнаружить, что мне может не повезти еще сильнее.

Незаметно пробраться на день открытых дверей не вышло. У черного хода новичков подстерегали две девчонки-чирлидера¹ в бело-фиолетовой форме. Они расплылись в улыбке.

– Привет!

По-моему, это первый и последний раз, когда девчонки-чирлидеры со мной так приветливы. Одна из них была блондинкой с льдисто-голубыми глазами. Вторая – афроамериканкой с черными кудрявыми волосами, как у Медузы Горгоны (уж поверьте мне, я знаю, о чем говорю!). На форме у обеих были курсивом вышиты их имена, но я, при своей дислексии², видел только какие-то бессмысленные спагетти.

– Добро пожаловать в школу Гуд! – провозгласила блондинка. – Мы уверены, что тебе тут ужасно понравится!

При этом она смерила меня взглядом, и выражение ее лица говорило скорее: «Фу-у, а это что еще за лузер?»

Вторая девчонка подступила ко мне вплотную – ближе, чем хотелось бы. Я вгляделся в вышивку у нее на груди и разобрал нечто вроде «Келли». От нее пахло розами и еще чем-то, знакомым по урокам верховой езды в лагере: так пахнет свежевывытая лошадь. Странный запах для чирлидерши. Ну, может, у нее своя лошадь, или типа того. Короче, она стояла так близко, что у меня возникло ощущение, будто она собирается столкнуть меня с крыльца.

– Тебя как звать, салага?

– Салага?

– Ну, новенький.

– А-а... Перси.

Девчонки переглянулись.

– Ах, Перси Джексон! – сказала блондинка. – Мы тебя ждали.

По спине пробежал неприятный холодок. «Ой-ей!» Девчонки перегородили вход и улыбались не очень-то дружелюбно. Рука сама собой потянулась к карману, где я держу свою боевую шариковую ручку, Анаклузмос.

Но тут из здания послышался другой голос.

– Перси! – звал меня Пол Блофис, откуда-то из коридора. Я еще никогда не был так рад его слышать.

Чирлидерши подались назад. Я так торопился их миновать, что наткнулся коленкой на бедро Келли.

Бам-м!

Нога издала гулкий, металлический звук – как будто на флагшток налетел.

– Ай! – воскликнула она. – Осторожней, ты, салага!

Я опустил глаза: нога как нога, ничего особенного. Я слишком распахивался, чтобы задавать вопросы. Я шмыгнул в коридор. Чирлидерши расхохотались у меня за спиной.

– Ах, вот ты где! – сказал Пол. – Добро пожаловать в школу Гуд!

– Привет, Пол... то есть мистер Блофис.

¹ Чирлидеры – девушки-гимнастки, сопровождающие своими шоу выступления спортивных команд (например, футболистов). Фактически – это отдельный вид спорта. – *Прим. перев.*

² Дислексия – нарушение способности к чтению при сохранении общей способности к обучению.

Я оглянулся – но странные девчонки исчезли.

– Перси, у тебя такой вид, будто ты привидение встретил.

– Ну, я, это...

Пол хлопнул меня по спине.

– Слушай, я понимаю, что ты нервничаешь, но ты не волнуйся. У нас тут полно ребят с СДВГ³ и дислексией. Учителя знают, как вам помочь.

Я чуть было не рассмеялся. Можно подумать, СДВГ и дислексия – мои единственные проблемы! Нет, в смысле, я понимаю, что Пол искренне хотел мне помочь, но, если бы я рассказал ему, кто я такой на самом деле, он бы решил, что я псих, или убежал бы с воплями. Вот, скажем, эти девчонки-чирлидеры. Они вызвали у меня неприятное чувство...

Потом я окинул взглядом коридор и вспомнил, что у меня есть еще одна проблема. Та рыжая девчонка, которую я видел на крыльце, как раз входила в школу с главного входа.

«Только не замечай меня!» – взмолился я.

Она меня заметила. Глаза у нее расширились.

– А где проходит день открытых дверей?

– В спортзале. Вон там. Но...

– Пока!

– Перси! – окликнул он, но я уже убежал.

Я думал, мне удалось от нее скрыться.

В сторону спортзала двигалась толпа ребят, и вскоре я оказался всего лишь одним из трех сотен четырнадцатилеток, распаханных по трибунам. Школьный оркестр нестройно исполнял какой-то военный марш, который звучал так, будто кто-то лупил металлической бейсбольной битой по мешку с кошками. Ребята постарше, видимо, члены школьного совета, стояли напротив, демонстрируя школьную форму, с видом «Глядите, какие мы крутые!». Вокруг мельтешили учителя, улыбаясь и пожимая руки ученикам. Стены спортзала были увешаны большими бело-фиолетовыми плакатами с надписями «Привет новым ученикам!», «В школе Гуд каждый крут!», «Мы все одна семья» и прочими подобными оптимистичными лозунгами, от которых меня тошнило.

Прочие новички тоже явно были не в восторге. В смысле, что крутого в том, чтобы приходиться на день открытых дверей в июне, когда занятия все равно начинаются в сентябре? Но в школе Гуд принято «Как можно раньше готовиться к успеху». По крайней мере, так было написано на их брошюрке.

Оркестр умолк. Дядька в костюме в полосочку подошел к микрофону и начал что-то говорить, но в зале было такое эхо, что я ни слова не разобрал. Он с тем же успехом мог полоскать горло.

Кто-то схватил меня за плечо.

– Что ты тут делаешь?

Это была она: мой рыжий кошмар.

– Рейчел Элизабет Дэр, – сказал я.

Челюсть у нее отвисла, как будто она не могла поверить, что мне хватило ума запомнить ее имя.

– А ты – Перси как-тебя-там. Извини, в прошлом декабре, когда ты пытался меня убить, я не запомнила твоего полного имени.

– Слушай, я не... я не пытался... А ты-то что тут делаешь?

– Наверно, то же самое, что и ты. На день открытых дверей пришла.

– Ты в Нью-Йорке живешь?

³ СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности.

– А ты думал где? На плотине Гувера?

Я об этом никогда не задумывался. Когда я о ней думал (нет, это не значит, что я о ней думал – просто мысли о ней иногда приходили мне в голову, ну, ясно, да?), мне всегда казалось, что она живет где-то в окрестностях плотины Гувера, потому что встретил я ее именно там. Мы провели вместе минут десять. За это время я нечаянно замахнулся на нее мечом, она спасла мне жизнь, а я убежал, потому что за мной гналась шайка сверхъестественных боевых машин. Ну, в общем, типичное случайное знакомство.

Какой-то парень сзади шепнул:

– Эй, вы, заткнитесь! Чирлидеры выступают!

– Привет, ребята! – прочирикала в микрофон какая-то девчонка. Та самая блондинка, которую я видел на входе. – Меня зовут Тэмми, а ее – Келли!

Келли прошла колесом.

Сидящая рядом Рейчел вскрикнула, будто ее булавкой ткнули. Некоторые оглянулись и захихикали, но Рейчел смотрела на чирлидерш в немом ужасе. Тэмми как будто ничего не заметила. Она принялась распинаться о том, как интересно нам будет в этой школе.

– Бежим! Немедленно! – сказала Рейчел.

– Почему?

Она не стала ничего объяснять и принялась проталкиваться к краю трибун, не обращая внимания на хмурых учителей и ворчащих ребят, которым она наступала на ноги.

Я колебался. Тэмми говорила о том, что сейчас мы разобьемся на небольшие группки и отправимся смотреть школу. Келли перехватила мой взгляд и насмешливо улыбнулась, словно ждала, что я буду делать. Пол Блофис тоже был там, вместе со всеми учителями. Он удивится, если я вдруг уйду.

А потом я подумал о Рейчел Элизабет Дэр и особых способностях, которые она продемонстрировала прошлой зимой на плотине Гувера. Она вычислила группу охранников, которые были вовсе не охранники и вообще не люди. Сердце у меня заколотилось, я встал и принялся пробираться прочь из спортзала следом за ней.

Я нашел Рейчел в оркестровой. Она пряталась за большим барабаном в секции ударных.

– Иди сюда! – сказала она. – Голову пригни!

Мне казалось ужасно глупым прятаться за ударной установкой, но я все-таки скрючился рядом с ней.

– Они тебя не преследуют? – спросила Рейчел.

– Чирлидерши, в смысле?

Она нервозно кивнула.

– Вроде нет, – сказал я. – А кто они такие? Что ты увидела?

Ее зеленые глаза блестели от страха. На щеках у нее была россыпь веснушек, похожая на созвездия. На бордовой футболке красовалась надпись «ГАРВАРД, ФАКУЛЬТЕТ ИСКУССТВ».

– Ты... ты все равно неверишь.

– Еще как поверю! – успокоил ее я. – Я же знаю, что ты способна видеть сквозь Туман.

– Сквозь что?

– Сквозь Туман. Это... ну, вроде такой вуали, которая не дает видеть вещи такими, какие они есть. Некоторые смертные от рождения способны видеть ее насквозь. Вот и ты тоже.

Она опасливо посмотрела на меня.

– Ты так уже говорил тогда, на плотине. Ты назвал меня смертной. Как будто ты сам не смертный.

Мне захотелось врезать кулаком по ударной установке. Что же я наделал? Я ведь никак не смогу ей объяснить... Да и объяснять-то не следует.

– Объясни, пожалуйста! – взмолилась она. – Ты знаешь, что это означает! Все эти ужасы, которые я вижу вокруг.

– Слушай, это должно звучать довольно странно. Ты вообще что-нибудь знаешь о греческих мифах?

– Ну, типа там, про Минотавра, про гидру, вот это всякое?

– Ага, вот только при мне этих имен не произноси, ладно?

– И еще фурии, – продолжала она, воодушевившись. – Сирены еще, и...

– Хватит, хватит!

Я огляделся по сторонам: мне казалось, что Рейчел вот-вот заставит этих кровожадных тварей материализоваться и выбраться наружу из стен. Но нет, мы по-прежнему были одни. Из коридора слышался шум: толпа ребят хлынула из спортзала наружу. Сейчас их поведут смотреть школу... Времени на разговоры почти не оставалось.

– Все эти чудовища, – сказал я, – все греческие боги – это все существует на самом деле.

– Я так и знала!

Мне было бы куда уютнее, если бы она сказала, что я вру. Но у Рейчел сделался такой вид, как будто я подтвердил ее худшие подозрения.

– Ты просто не представляешь, как мне было тяжело, – сказала она. – Я годами думала, будто схожу с ума. Я даже сказать никому не могла. Я даже...

Она сощурилась.

– Стоп. А ты кто такой? Я имею в виду – на самом деле?

– Я не чудовище.

– Ну, это-то я знаю. Чудовище я бы разглядела. А ты выглядишь, как... как ты. Но ты ведь не человек, верно?

Я сглотнул. У меня было целых три года на то, чтобы привыкнуть к тому, кто я такой, но с простыми смертными я об этом никогда еще не говорил – ну, кроме мамы, конечно, но мама-то и так была в курсе. Не знаю почему, но я решился.

– Я полукровка, – сказал я. – Я наполовину человек.

– А на вторую половину?

И тут в оркестровую вошли Тэмми и Келли. Дверь за ними захлопнулась.

– Вот ты где, Перси Джексон! – сказала Тэмми. – Ну, сейчас мы тебе устроим день открытых дверей!

– Кошмар какой! – ахнула Рейчел.

Тэмми и Келли по-прежнему были в бело-фиолетовой форме и в руках держали помпоны с выступления.

– Как они выглядят на самом деле? – спросил я, но Рейчел была так ошеломлена, что не смогла ответить.

– Да забей ты на нее! – крикнула Тэмми, широко улыбнулась и направилась в нашу сторону. А Келли осталась у двери, преграждая нам выход.

Мы очутились в ловушке. Я понял, что путь наружу придется пробивать силой, но ослепительная улыбка Тэмми мешала сосредоточиться. Ее голубые глаза были такие красивые, волосы так развевались...

– Перси! – предупредила Рейчел.

Я сказал что-то чрезвычайно умное, типа «А?».

Тэмми подходила все ближе. Она протягивала мне свои помпоны.

– Перси! – голос Рейчел доносился откуда-то издалека. – Очнись!

Мне потребовалась вся моя сила воли, но я все-таки выхватил ручку из кармана и сорвал с нее колпачок. Анаклузмос вытянулся в метровый бронзовый меч. Его клинок светился слабым золотистым светом. Улыбка Тэмми превратилась в кривую ухмылку.

– Да брось ты! – воскликнула она. – Это тебе не понадобится. Давай лучше поцелуемся! От нее пахло розами и только что вымытым животным. Станный запах, но почему-то опьяняющий.

Рейчел сильно ущипнула меня за руку.

– Перси, она тебя сейчас укусит! Взгляни же на нее!

– Да она просто ревнует! – Тэмми оглянулась на Келли. – Можно, хозяйшечка?

Келли по-прежнему загораживала выход, алчно облизываясь.

– Валяй, Тэмми! Все отлично.

Тэмми сделала еще шаг вперед, но острие моего меча уперлось ей в грудь.

– Назад!

Она оскалила зубы.

– Новички! – с отвращением произнесла она. – Это наша школа, полукровка! Кого хотим, того и едим!

И она принялась менять облик. Ее лицо и руки обесцветились. Кожа стала белой, как мел, глаза побагровели. Зубы обернулись клыками.

– Вампириша! – выдавил я. И тут я обратил внимание на ее ноги. Левая нога, торчащая из-под юбочки чирлидерши, была бурой и лохматой, как у осла. Правая нога была совсем как человеческая, только бронзовая.

– Фу-у, вампириша с ногами как...

– Не смей говорить о ногах! – рявкнула Тэмми. – Это хамство – смеяться над такими вещами!

Она придвигалась все ближе на своих странных, разных ногах. Вид у нее был совершенно дурацкий, особенно с этими помпонами, но при виде багровых глаз и острых клыков смеяться что-то совсем не тянуло.

– Вампириша, говоришь? – расхохоталась Келли. – Дурак! Эти глупые легенды основаны на нас! Мы – эмпусы⁴, прислужницы Гекаты!

– Угумм! – Тэмми придвинулась еще ближе. – Темная магия создала нас из животных, бронзы и призраков! Мы существуем, чтобы питаться кровью юношей. Ну же, иди сюда, я жажду твоего поцелуя!

Она оскалила клыки. Я был так ошарашен, что не мог шевельнуться. Но Рейчел швырнула эмпусе в голову малый барабан.

Демоница зашипела и отбила барабан. Он покатился по проходу мимо стоек с инструментами, громко рокоча. Рейчел бросила в нее ксилофоном, но демоница отмахнулась и от него тоже.

– Девиц я обычно не убиваю, – рявкнула Тэмми, – но для тебя, смертная, сделаю исключение! Слишком много ты видишь!

Она ринулась на Рейчел.

– Нет! – Я ударил ее Анаклузмосом. Тэмми попыталась было увернуться от моего клинка, но я рассек форму чирлидера, и демоница с жутким воем рассыпалась в пыль, засыпав Рейчел с головы до ног.

Рейчел закашлялась. Вид у нее был такой, как будто на голову ей вывернули мешок муки.

– Фу, гадость!

– Ничего не поделаешь, чудовища, они такие, – сказал я. – Извини.

– Ты убил мою ученицу! – взвыла Келли. – Ну погоди, полукровка, я в тебя вобью школьный дух!

⁴ Эмпуса – древнегреческое чудовище из свиты Гекаты. В образе прекрасной девушки заволаживает юношей и выпивает у них кровь.

И она тоже принялась менять облик. Ее кучерявые волосы обратились в языки пламени. Глаза побагровели. У нее отросли клыки. И она большими скачками бросилась на нас, стуча по полу оркестровой своей медной ногой и ослиным копытом.

– Я – главная эмпуса! – рычала она. – Еще ни один герой за тысячу лет меня не одолел!

– Да ну? – переспросил я. – А давно пора!

Келли была куда проворней Тэмми. Она увернулась от моего первого удара и откатилась в секцию духовых, с грохотом опрокинув целый ряд тромбонов. Рейчел метнулась прочь с дороги. Я встал между нею и эмпусой. Келли принялась обходить нас по дуге, поглядывая то на меня, то на меч.

– Какой славный ножичек! – сказала она. – Какая жалость, что он стоит между нами!

Ее фигура все время менялась: то демоница, то хорошенькая чирлидерша. Я старался сосредоточиться, но это ужасно отвлекало.

– Бедняжка! – хихикнула Келли. – Ты даже не знаешь, что происходит, да? Уже скоро ваш ненаглядный лагерь будет объят пламенем, твои друзья окажутся в рабстве у Владыки Времени, и ты ничего не сможешь сделать, чтобы это предотвратить. Куда милосерднее покончить с тобой прямо сейчас, чтобы ты всего этого не увидел.

В коридоре послышались голоса. Сюда шла группа. Мужской голос объяснял что-то про кодовые замки на шкафчиках.

Глаза у эмпусы вспыхнули.

– Чудесно! У нас сейчас появятся зрители!

Она швырнула в меня тубой. Мы с Рейчел пригнулись. Туба пролетела у нас над головами и врезалась в окно.

Голоса в коридоре умолкли.

– Перси! – испуганным голосом завопила Келли. – Зачем ты ее бросил?

Я был застигнут врасплох и не нашелся, что ответить. Келли схватила пюпитр и взмахнула им над рядом кларнетов и флейт. Стулья и инструменты полетели на пол.

– Прекрати! – воскликнул я.

В коридоре слышался топот: люди бежали в нашу сторону.

– Ну что, встречаем гостей!

Келли оскалила клыки и бросилась к двери. Я устремился следом, размахивая Анаклузомосом. Надо защитить от нее смертных!

Келли распахнула дверь настежь. Пол Блофис и толпа новичков отшатнулись. Я занес меч.

В последний миг эмпуса обернулась ко мне, изображая перепуганную жертву.

– Ой, что ты делаешь! – завопила она. Но я уже не мог остановиться. Клинок обрушился на нее.

За мгновение до того, как небесная бронза коснулась ее тела, Келли взорвалась столпом пламени, точно коктейль Молотова. Во все стороны устремилась огненная волна. Я никогда еще не видел, чтобы чудовище выкидывало нечто подобное, но думать было некогда. Я отшатнулся обратно в оркестровую, в дверном проеме встала стена пламени.

– Перси! – Пол Блофис выглядел совершенно ошарашенным. Он смотрел на меня сквозь огонь. – Что ты натворил?!

Школьники с визгом бросились прочь. Завыла пожарная тревога. Под потолком зашипела система пожаротушения.

Среди всего этого хаоса Рейчел дернула меня за рукав.

– Надо выбираться отсюда!

Она была права. Школа объята пламенем, а виноватым сделают меня. Смертные же не способны видеть сквозь Туман. С их точки зрения, я только что напал на безобидную чирли-

дершу в присутствии толпы свидетелей. И объяснить я ничего не смогу... Я повернулся спиной к Полу и побежал к разбитому окну оркестровой.

Я выпрыгнул в переулок, ведущий к Восемьдесят первой улице, и наткнулся прямо на Аннабет.

– Эгей, да ты сегодня рано управился! – рассмеялась она, ловя меня за плечи, чтобы не дать упасть. – Гляди, куда прешь, рыбы мозги!

Она оказалась в хорошем настроении, и на мгновение все сделалось хорошо. На Аннабет были джинсы, оранжевая лагерная футболка и ее ожерелье из керамических бусин. Светлые волосы собраны в хвост. Серые глаза искрятся. Аннабет выглядела так, словно готова была прямо сейчас пойти в кино, и вообще провести славный день наедине со мной.

Но тут из окна выпрыгнула Рейчел Элизабет Дэр, все еще покрытая пеплом, оставшимся от чудовища, крича:

– Перси, подожди!

Улыбка Аннабет растаяла. Она уставилась на Рейчел, потом на школу. И как будто только теперь увидела черный дым и услышала пожарную тревогу.

Она насупилась.

– Что ты опять натворил? И кто это такая?

– Ох... Рейчел, это Аннабет. Аннабет, это Рейчел. Она... ну, наверно, моя знакомая.

Ну а как еще назвать Рейчел? В смысле, не то чтобы мы и в самом деле знакомы, но все-таки после того, как мы дважды вместе побывали на волосок от смерти, нельзя сказать, что она мне никто?

– Привет! – сказала Рейчел. И обернулась ко мне. – Да, проблемы у тебя серьезные! И ты, кстати, еще должен мне все объяснить.

С шоссе Франклина Рузвельта донесся вой полицейских сирен.

– Перси, – холодно сказала Аннабет, – нам надо идти.

– Я хочу побольше узнать о полукровках! – настаивала Рейчел. – И о чудовищах. И все вот это, насчет богов.

Она схватила меня за руку, достала несмываемый маркер и написала у меня на ладони телефон.

– Позвонишь и все расскажешь, ладно? Ты просто обязан это сделать! Все, можешь идти.

– Но...

– Я что-нибудь придумаю, – сказала Рейчел. – Объясню им, что ты тут ни при чем. Дуй отсюда!

И бросилась обратно в школу, оставив нас с Аннабет в переулке.

Аннабет на секунду уставилась на меня. Потом развернулась и пошла прочь.

– Эй! – я потрусил следом. – Там были две эмпусы! – попытался объяснить я. – Понимаешь, они были чирлидерами и сказали, что лагерь сгорит и...

– Ты рассказал смертной девчонке про полукровок?

– Она видит сквозь Туман. Она разглядела чудовищ прежде, чем я.

– И ты сказал ей все как есть.

– Она помнит меня еще по плотине Гувера, так что...

– Так ты встречался с ней раньше?!

– Ну... да, прошлой зимой. Но я ее почти не знаю. Seriously.

– Она довольно хорошенькая.

– Я... я как-то об этом не задумывался.

Аннабет по-прежнему шагала в сторону Йорк-Авеню.

– Со школой я разберусь! – пообещал я, стараясь сменить тему. – Все будет нормально, честно-честно!

Аннабет на меня даже не взглянула.

– Я так понимаю, наши планы на сегодня отменяются. Надо вытащить тебя отсюда, тебя полиция будет искать.

У нас за спиной, над старшей школой Гуд, вздымались клубы дыма. В черном столбе дыма мне чудилось лицо: демоница с багровыми глазами, издевающаяся надо мной.

«Ваш ненаглядный лагерь будет объят пламенем, – сказала Келли. – Твои друзья окажутся в рабстве у Владыки Времени».

– Да, ты права, – с упавшим сердцем сказал я Аннабет. – Нам надо добраться до Лагеря полукровок. Немедленно!

Глава вторая

Подземный мир шлет мне шуточный вызов

Долгая поездка на такси с рассерженной девочкой – прекрасное завершение прекрасного утра!

Я пытался разговаривать с Аннабет, но она вела себя так, словно я ударил ее любимую бабушку. Все, что мне удалось из нее вытянуть, – это что она провела весну в Сан-Франциско, где полно чудовищ; что она с Рождества дважды возвращалась в лагерь, но почему – она мне не сказала (я слегка разозлился: она мне даже не сказала, что приезжала в Нью-Йорк!); и что о местонахождении Нико ди Анджело она так ничего и не узнала (это долгая история).

– Про Луку ничего не слышно? – спросил я.

Она покачала головой. Я знал, что для нее это болезненная тема. Аннабет всегда восхищалась Лукой, бывшим старостой из домика Гермеса, который предал нас и присоединился к злому титану, владыке Кроносу. Она в этом бы ни за что не призналась, но я знал, что он ей до сих пор нравится. Прошлой зимой, когда мы сражались с Лукой на горе Тамалпаис, он каким-то чудом пережил падение с шестнадцатиметрового утеса. И теперь, насколько я знал, он по-прежнему путешествовал на своем круизном лайнере, кишасщем демонами, а его изрубленный владыка Кронос тем временем мало-помалу восстанавливался в золотом саркофаге, выжидая, пока наконец накопит достаточно сил, чтобы бросить вызов богам Олимпа. По-нашему, по-полубожески, это называется «проблемы».

– На горе до сих пор полным-полно чудовищ, – сказала Аннабет. – Близко подойти я не рискнула, но не думаю, что Лука там. Мне кажется, если бы он был там, я бы знала.

Легче мне от этого не стало.

– А как насчет Гроувера?

– Он в лагере, – ответила она. – Мы с ним сегодня увидимся.

– Ему удалось добиться успеха? Я имею в виду, в поисках Пана?

Аннабет принялась теревить свое ожерелье, как всегда, когда она была чем-то озабочена.

– Увидишь, – сказала она. А объяснить отказалась.

Пока мы ехали через Бруклин, я взял у Аннабет телефон, чтобы позвонить маме. Полукровки по возможности стараются не пользоваться мобильниками: для нас выходить в эфир – все равно что вывесить объявление для чудовищ: «Вот он я! Нате, ешьте меня!» Но я решил, что это важно. Я оставил сообщение на домашнем автоответчике, попытавшись объяснить, что случилось в школе Гуд. Наверно, у меня не очень хорошо получилось. Я сказал маме, что у меня все в порядке, пусть она не беспокоится, но я лучше побуду в лагере, пока страсти не улягутся. И попросил передать Полу Блофису, что я извиняюсь.

После этого мы ехали молча. Город растаял вдали, мы свернули с магистрали и покатались через сельскую местность северного Лонг-Айленда, мимо садов, виноделен и лотков со свежей зеленью.

Я смотрел на телефонный номер, который нацарапала у меня на руке Рейчел Элизабет Дэр. Я понимал, что это сумасшествие, но меня терзало искушение позвонить ей. Может, она сумеет мне помочь понять, о чем говорила эмпуса – о сожжении лагеря, о пленении моих друзей. И почему Келли обернулась столбом пламени?

Я знал, что чудовища никогда не умирают по-настоящему. Рано или поздно – через несколько недель, месяцев или даже лет – Келли возродится вновь из первозданной мерзости, клубящейся в подземном мире. Но тем не менее чудовища обычно не дают так легко себя уничтожить. Если только она и впрямь уничтожена.

Такси выехало на шоссе 25А. Мы катили через леса вдоль северного побережья. Наконец по левую руку появилась невысокая гряда холмов. Аннабет сказала водителю свернуть на проселочную дорогу номер 3.141 и остановиться у подножия Холма Полукровок.

Таксист нахмурился.

– Мисс, тут же ничего нет! Вам точно сюда надо?

– Да, пожалуйста.

Аннабет протянула ему пачку денег смертных, и водитель решил не спорить.

Мы с Аннабет пешком поднялись на вершину холма. Юный дракон-хранитель дремал, обвившись вокруг сосны, однако, когда мы приблизились, он приподнял свою медную голову и дал Аннабет почесать себе шейку. Из ноздрей у него с шипением валил пар, как из чайника, и глаза закатились от удовольствия.

– Привет, Пелей! – сказала Аннабет. – Ну что, все в порядке?

В последний раз, когда я видел этого дракона, в нем было два метра роста. Теперь он вымахал почти вдвое, и толщиной сделался с само дерево. У него над головой, на нижней ветке сосны, сверкало золотое руно. Его магия оберегала границы лагеря от вторжений. Дракон выглядел спокойным – видимо, все было нормально. В лежащем внизу Лагере полукровок на вид все тоже было тихо и мирно. Зеленые луга, лес, ослепительно-белые греческие домики. Четырехэтажное здание фермы, которое мы звали Большим домом, горделиво возвышалось посреди полей, засаженных клубникой. К северу, за пляжем, блестел на солнце пролив Лонг-Айленд.

И все же... что-то было не так. В воздухе висело напряжение, будто сам холм затаил дыхание в ожидании чего-то нехорошего.

Мы спустились в долину и обнаружили, что летний сезон в самом разгаре. Большинство ребят заехали еще в пятницу, так что я уже чувствовал себя чужаком. На клубничных полях играли на свирелях сатиры, помогая растениям своей лесной магией. Ребята упражнялись в верховой езде на крылатых конях, кружа над лесом. Из кузниц вздымался дым, звенели молоты: кто-то ковал себе оружие на занятиях по искусству и ремеслу. На стадионе команды Афины и Деметры состязались на колесницах, а на озере на греческой триреме сражались с оранжевым морским змеем. Типичный день в лагере.

– Мне надо поговорить с Клариссой, – сказала Аннабет.

Я уставился на нее так, будто она сказала «Мне надо съесть большой, вонючий сапог».

– Зачем?

Кларисса из домика Ареса была одной из тех, кого я больше всего недолюбливал. Неблагодарная, драчливая злюка. Ее папа, бог войны, хотел меня убить. А она регулярно пыталась сделать из меня котлету. А так ничего, хорошая девочка.

– Есть у нас одна задумка, – сказала Аннабет. – Увидимся!

– А что за задумка-то?

Аннабет посмотрела в сторону леса.

– Я скажу Хирону, что ты здесь, – произнесла она. – Он захочет с тобой поговорить перед слушаниями.

– Какими еще слушаниями?

Но она уже, не оглядываясь, трусцой припустила по тропе, ведущей к стрельбищам лучников.

– Ага, конечно, – буркнул я. – И мне тоже было очень приятно с тобой пообщаться!

Идя через лагерь, я успел поздороваться кое с кем из друзей. На дорожке, ведущей к Большому Дому, Коннор и Тревис Стоуллы из домика Гермеса замыкали провода в лагерьном внедорожнике. Селена Боргард, староста из домика Афродиты, помахала мне со своего пегаса, проносясь мимо. Я высматривал Гроувера, но его нигде видно не было. Наконец я забрел на

арену для боя на мечах – я туда всегда прихожу, когда я в дурном настроении. Фехтование меня успокаивает. Может быть, потому, что только фехтование дается мне как следует.

Я зашел в амфитеатр, и у меня чуть сердце не остановилось. Посреди арены, задом ко мне, лежала самая здоровенная адская гончая, какую я когда-либо видел.

Ну, то есть, я видывал достаточно больших адских гончих. Одна такая, размером с носорога, пыталась меня убить, когда мне было двенадцать. Но эта псина – она вообще была как танк! Я не представлял, как ей удалось миновать магические границы лагеря. Она явно чувствовала себя как дома: валялась на брюхе и, довольно урча, отгрызала голову учебному манекену. Меня она пока не заметила, но стоит мне издать малейший звук – и она меня обнаружит! За помощью бежать было некогда. Я выхватил Анаклузмос и сдержнул колпачок.

– Ий-я-а-а-а!

Я уже готовился вонзить меч в необъятный зад чудовища, как вдруг, откуда ни возьмись, другой клинок остановил мой удар.

ДЗЫН-НЬ!

Адская гончая насторожила уши.

– ГАВ!

Я отскочил и инстинктивно ударил человека с мечом: седого, в греческих доспехах. Он без труда отразил мой выпад.

– Эй, полегче! – сказал он. – Мир!

– ГАВ! – арена содрогнулась от голоса адской гончей.

– Это же адская гончая! – вскричал я.

– Она безобидная, – сказал человек. – Это Миссис О’Лири.

Я поморгал.

– Миссис О’Лири?

Услышав свое имя, адская гончая гавкнула еще раз. Я понял, что она не злится. Просто возбуждена. Зверюга сунула мокрый, измочаленный манекен человеку с мечом.

– Хо-ро-ошая девочка! – пропел он. Свободной рукой он схватил куклу в доспехах за шею и швырнул ее в сторону трибун. – Хватай грека! Хватай!

Миссис О’Лири поскакала следом и напрыгнула на манекен, расплющив на нем доспех. И принялась грызть его шлем.

Человек с мечом холодно улыбнулся. Ему было лет пятьдесят, на голове ежик седых волос, подстриженная седая бородка. Для такого пожилого мужика он был в недурной форме. На нем были черные туристские штаны и бронзовый нагрудник, надетый поверх оранжевой лагерной футболки. У основания шеи виднелась странная отметина: сизое пятно, вроде родинки или татуировки, – но прежде, чем я успел его как следует разглядеть, он поправил ремни доспеха, и отметина скрылась под панцирем.

– Миссис О’Лири – моя ручная зверушка, – объяснил он. – Не мог же я позволить тебе воткнуть меч ей в задницу, верно? Она могла напугаться.

– Вы кто?

– Обещаешь меня не убивать, если я уберу меч?

– Наверно, да...

Он вложил меч в ножны и протянул мне руку.

– Я Квинтус.

Я пожал ему руку. Ладонь была жесткая, как наждачка.

– Перси Джексон, – представился я. – Извините, что я... А как вы, собственно...

– Завел себе ручную адскую гончую? Долгая история. Там присутствует несколько встреч со смертью лицом к лицу и куча изъеденных гигантских погрызушек. Кстати, я ваш новый инструктор по фехтованию. Буду помогать Хирону, пока мистер Д. в отъезде.

– А-а...

Я пытался не пялиться на то, как Миссис О'Лири оторвала манекену щит вместе с рукой, к которой он был приделан, и принялась трясти его, как фрисби.

– Стоп, а мистер Д. что, уехал?!

– Ну, да... У всех нынче дел по горло. Даже Диониса припрягли. Он отправился навестить кое-кого из старых друзей. Убедиться, что они на той стороне, что надо. Больше мне, наверное, говорить не стоит...

Если Дионис и правда уехал, это лучшая новость за весь сегодняшний день! Он сделался директором лагеря только потому, что Зевс отправил его сюда в наказание за то, что он чересчур назойливо преследовал какую-то лесную нимфу. Ребят из лагеря он ненавидел и делал все, чтобы отравить нам жизнь. Теперь, когда он уехал, нас, возможно, в самом деле ждет славное лето! Но, с другой стороны, если уж Дионис поднял задницу и действительно принялся помогать богам набирать воинство для борьбы с титанами, значит, дела и впрямь плохи.

Слева донесся грохот. Неподалеку стояли шесть деревянных ящиков размером со столы для пикника, и в них что-то гремело. Миссис О'Лири склонила голову набок и помчалась туда.

– Эй, девочка! – окликнул ее Квинтус. – Это не тебе!

И он отвлек ее фрисби из бронзового щита.

Ящики грохотали и тряслись. На них было что-то написано, но из-за своей дислексии я не сразу сумел разобрать, что именно:

«РАНЧО «ТРИ Г»

ХРУПКОЕ

ВЕРХ»

И внизу, буквами помельче: «Открывать осторожно. Ранчо «Три Г» не несет ответственности за причиненный ущерб, травмы и мучительную смерть».

– А что там, в ящиках? – спросил я.

– Маленький сюрприз, – ответил Квинтус. – Для завтрашней тренировки. Тебе понравится.

– Э-э... ну, хорошо, – сказал я, хотя мысль о «мучительной смерти» мне не нравилась.

Квинтус метнул бронзовый щит, и Миссис О'Лири помчалась за ним.

– Вам, молодежи, не хватает трудностей в жизни. Вот когда я был мальчишкой, у нас таких лагерей не было.

– А вы... вы полукровка?

Вопрос получился слишком уж удивленным, но я просто не сдержался: никогда раньше не видел пожилого полубога.

Квинтус хмыкнул.

– Видишь ли, некоторые из нас действительно доживают до зрелых лет. И не обо всех нас существуют ужасные пророчества.

– А вы знаете про пророчество обо мне?

– Кой-чего слышал.

Мне хотелось спросить, что именно, но тут на арену, цокая копытами, вышел Хирон.

– А, Перси, вот ты где!

Он, видимо, только что вернулся со стрельбища. Поверх футболки с надписью «КЕНТАВР № 1» висели лук и колчан. Он подстриг на лето свои курчавые каштановые волосы и бородку, и нижняя половина его тела, туловище белого жеребца, была испачкана землей и зеленью.

– Я смотрю, ты уже познакомился с нашим новым инструктором.

Хирон говорил непринужденно, но смотрел с тревогой.

– Квинтус, ты не против, если я позаимствую у тебя Перси?

– Пожалуйста, наставник Хирон!

– Вовсе ни к чему звать меня «наставником», – ответил Хирон, хотя, судя по тону, ему это польстило. – Идем, Перси. Нам нужно многое обсудить.

Я еще раз бросил взгляд на Миссис О'Лири, которая теперь отгрызала манекену ноги.

– Ну, увидимся, – сказал я Квинтусу.

Мы пошли прочь. Я шепотом сказал Хирону:

– Мне кажется, Квинтус какой-то...

– Загадочный? – предположил Хирон. – Непроницаемый?

– Ага.

Хирон кивнул.

– Очень опытный полукровка. Великолепный боец. Я только хотел бы понять...

Но, что бы Хирон ни собирался сказать, он явно передумал.

– Ладно, Перси. Главное сейчас не это. Аннабет мне сказала, что ты встретил эмпус.

– Ага.

Я рассказал ему про сражение в школе Гуд и как Келли превратилась в огненный столп.

– Хм... – произнес Хирон. – Да, наиболее могущественные из них способны на такое. Она не умерла, Перси. Просто сбежала. Демоницы зашевелились, это нехорошо.

– А что они там делали? – спросил я. – Меня ждали?

– Возможно, – Хирон нахмурился. – Удивительно, что ты выжил. Они умеют так хорошо завораживать... едва ли не любой герой мужского пола поддался бы заклятию, и его бы сожрали.

– Меня бы и сожрали, – сознался я. – Если бы не Рейчел.

Хирон кивнул.

– Да, тебя спасла смертная, как ни смешно это звучит. Теперь мы перед ней в долгу. Насчет того, что эмпуса сказала про нападение на лагерь, – об этом мы побеседуем позже. А пока идем. Нам нужно в лес. Гроуверу потребуется твое присутствие.

– Где?

– На суде над ним, – мрачно ответил Хирон. – Совет козлоногих старейшин собрался, дабы решить его судьбу.

Хирон сказал, что надо спешить, так что я сел к нему на спину. Пронесаясь галопом мимо домиков, я бросил взгляд на обеденный зал: открытый павильон в греческом стиле, на холме над морем. Я увидел это место в первый раз с прошлого лета, и оно пробудило неприятные воспоминания.

Хирон углубился в лес. Нимфы выглядывали из чащи, провожая нас взглядами. В сумрачной чаще бродили громадные тени: чудовища, что жили там, как вызов обитателям лагеря.

Я думал, что неплохо знаю лес после того, как два лета подряд играл там в захват флага, но Хирон вез меня путем, который я не узнавал: мы миновали тоннель из старых ив, небольшой водопад и очутились на поляне, устланной ковром полевых цветов.

На траве кружком сидело множество сатиров. В центре стоял Гроувер. Напротив него на тронах, сделанных из художественно выстриженных розовых кустов, восседали трое сатиров, очень старых и очень толстых. Этих троих старых сатиров я никогда прежде не видел и решил, что это, должно быть, и есть совет козлоногих старейшин.

Гроувер, похоже, о чем-то рассказывал. Он теребил подол своей футболки и нервно переступал козлиными копытцами. С прошлой зимы он не особо изменился – возможно, потому, что сатиры взрослеют и стареют вдвое медленнее людей. Прыщей стало побольше. Рожки отросли так, что они уже торчали из курчавых волос. Я с удивлением понял, что сделался выше него.

Чуть поодаль, за пределами круга, стояли Аннабет, еще одна девочка, которую я никогда прежде не видел, и Кларисса. Хирон спустил меня на землю рядом с ними.

Спутанные каштановые волосы Клариссы были стянуты камуфляжной банданой. Она выглядела еще мускулистей прежнего, если это возможно, как будто занималась в качалке. Она покосилась на меня и буркнула: «Чмо!» Значит, настроение у нее хорошее. Обычно она просто пыталась меня убить вместо приветствия.

Аннабет обнимала за плечи другую девочку – та, похоже, плакала. Девочка была маленькая – просто крошка, – с пушистыми волосами янтарного цвета и миленьким личиком эльфа. Одетая она была в зеленый хитон и шнурованные сандалии и промокала глаза платочком.

– Все так ужасно получается! – всхлипывала она.

– Нет-нет! – Аннабет похлопала ее по плечу. – Все будет в порядке, Можжевела.

Затем она взглянула на меня и одними губами проговорила: «Девушка Гроувера!»

По крайней мере, мне так показалось. Но это же фигня какая-то. Девушка, у Гроувера? Потом я взглянул на Можжевелу и обнаружил, что ушки у нее слегка заостренные. И глаза были не красными от слез, а зеленоватыми, под цвет хлорофилла. Это была древесная нимфа – дриада.

– Господин Ундервуд! – прогремел старейшина справа, перебив Гроувера на полуслове. – Ты всерьез считаешь, будто мы этому поверим?

– Но-о, Силен, – промямлил Гроувер, – ведь это же правда!

Тот дядька из Совета, Силен, обернулся к своим коллегам и что-то буркнул. Хирон мелким галопом вышел вперед и встал рядом с ними. Я знал, что он почетный член Совета, но никогда не думал, что это важно. Старейшины выглядели не особенно внушительно. Они были похожи на коз из детского зоопарка: пузатые, сонные, с остекленевшим взглядом, не интересующиеся ничем, кроме очередного угощения. Я не понимал, чего Гроувер так нервничает.

Силен натянул на пузо желтую тенниску и устроился поудобнее на своем зеленом троне.

– Господин Ундервуд, мы вот уже шесть месяцев – шесть месяцев! – внимаем возмутительным утверждениям, будто ты слышал самого лесного бога Пана.

– Но я же его слышал!

– Какая дерзость! – сказал старейшина слева.

– Терпение, Марон, – произнес Хирон. – Терпение.

– Именно, что терпение! – возразил Марон. – Я по самые рога сыт этим вздором. Как будто лесной бог стал бы беседовать... с этим!

У Можжевелы сделался такой вид, будто она вот-вот кинется на старого сатира и примется его лупить. Но Аннабет с Клариссой ее удержали.

– Не время драться, девочка, – вполголоса сказала Кларисса. – Погоди.

Даже не знаю, что удивило меня сильнее: Кларисса, которая считает, что не время драться, или тот факт, что они с Аннабет, презиравшие друг друга, сейчас как будто бы были заодно.

– Целых полгода, – продолжал Силен, – мы были снисходительны к тебе, господин Ундервуд. Мы отпускали тебя в странствия. Мы позволили тебе сохранить лицензию искателя. Мы ждали, когда ты предъявишь доказательства своего абсурдного утверждения. И что же ты нашел за полгода странствий?

– Мне просто не хватило времени! – жалобно воскликнул Гроувер.

– Ничего! – провозгласил тот старейшина, что сидел посредине. – Ничего ты не нашел!

– Но, Леней...

Силен вскинул руку. Хирон подался вперед и что-то сказал сатирам. Тем это явно не понравилось. Они что-то забубнили, принялись спорить между собой, но Хирон проговорил что-то еще, и Силен вздохнул и нехотя кивнул.

– Господин Ундервуд, – объявил Силен, – мы дадим тебе еще один шанс!

Гроувер просиял.

– Ох, спасибо!

– Еще неделю.

– Как?! Но послушайте! Это же невозможно!

– Неделю, господин Ундервуд. А потом, если ты так и не предоставишь доказательств, придется тебе выбрать себе другое ремесло. Что-нибудь, что соответствует твоим актерским дарованиям. Можешь открыть театр марионеток. Или школу чечеточников.

– Но послушайте! Я... я не могу лишиться лицензии искателя! Вся моя жизнь...

– Собрание Совета объявляю закрытым! – сказал Силен. – А сейчас приступим же к нашей полуденной трапезе!

Старый сатир хлопнул в ладоши, и из леса выпорхнула стайка нимф с блюдами овощей, фруктов, жестянками консервов и прочими козыми лакомствами. Кружок сатиров рассыпался и накинулся на еду. Гроувер уныло побрел в нашу сторону. На его выгоревшей голубой футболке был нарисован сатир, а под ним – надпись: «А У ТЕБЯ ЕСТЬ КОПЫТА?»

– Привет, Перси! – сказал он. Он был в таком унынии, что даже руки мне не пожал. – Ну как, все нормально, да?

– Старые козлы! – воскликнула Можжевела. – Гроувер, они же просто не понимают, как ты старался!

– Есть и другой выход, – угрюмо произнесла Кларисса.

– О нет! Нет! – Можжевела замотала головой. – Гроувер, я тебе не позволю!

Лицо у него посерело.

– Ну, я... я подумаю. Но мы ведь даже не знаем, где искать!

– Вы о чем? – спросил я.

Вдали прогудела труба, сделанная из раковины.

Аннабет поджала губы.

– Перси, я тебе потом все объясню. Нам лучше разойтись по домикам. Сейчас начнется осмотр.

Вообще-то это нечестно, что я должен участвовать в осмотре домиков, когда я только что приехал в лагерь, но так уж полагается. Каждый день один из старост обходит лагерь с папирусным свитком. Лучший домик первым принимает душ – это значит, что вам наверняка хватит горячей воды. А худший домик вечером дежурит по кухне.

Моя проблема в чем: в домике Посейдона я, как правило, один, а я не то чтобы чистюля. Гарпии-уборщицы прилетают только в последний день лета, так что мой домик, по всей вероятности, остался в том же виде, как я бросил его в зимние каникулы: со всеми фантиками и пакетами от чипсов, раскиданными по кровати, с доспехами, в которых я играл в захват флага, валяющимися по всему домику...

Я помчался к центральной площади, вокруг которой буквой П выстроились двенадцать домиков – по числу олимпийских богов. Дети Деметры мели дорожку и выращивали на окнах живые цветы. Они одним щелчком пальцев могли вырастить над дверью плети жимолости и усеять крышу маргаритками. По-моему, так нечестно! Они-то, наверно, никогда не занимали последнего места при осмотре. Ребята из домика Гермеса лихорадочно сутились, прятали грязное белье под кровати и обвиняли друг друга в пропажах. Раздолбаи те еще, но они меня опережали.

Из домика Афродиты как раз выходила Селена Боргард, проверяя свой свиток. Я выругался про себя. Селена – она славная, но жуткая чистюля. Самая противная из всех инспекторов. Она любит, чтобы все было миленько. А я «миленько» делать не умею. У меня заранее заныли руки при мысли обо всех тех тарелках, которые мне придется отскребать нынче вечером.

Дом Посейдона стоял в конце ряда домиков, принадлежащих «богам-мужчинам», по правой стороне лужайки. Он был построен из серого морского камня, усеянного ракушками, и выглядел приземистым, как бункер, но зато его окна смотрели на море, и в них всегда дул славный морской бриз.

Я шмыгнул в домик, надеясь, что, может быть, успею по-быстрому затолкать под кровать весь мусор, как ребята Гермеса, и обнаружил, что мой сводный брат, Тайсон, уже подметает пол.

– Перси! – взревел он, бросил веник и устремился ко мне. Если к вам никогда не кидался взволнованный циклоп в фартуке в цветочек и резиновых хозяйственных перчатках, могу сказать одно: бодрит!

– Привет, верзила! – сказал я. – Осторожно, ребра! Ребра!

Мне как-то удалось выжить в его медвежьих объятиях. Тайсон отпустил меня, придурочно ухмыляясь. Его единственный глаз, карий, как у тельца, светился восторгом. Зубы у него были такие же желтые и кривые, как и прежде, и прическа смахивала на крысиное гнездо. Под фартуком в цветочек на нем были драные джинсы размера XXXL и поношенная фланелевая рубашка, но мне все равно было приятно его встретить. Мы не виделись почти год, с тех пор, как он ушел на дно морское, работать в кузницах циклопов.

– Ну что, ты в порядке? – спросил он. – Не сожрали тебя чудовища?

– Даже не надкусили! – сообщил я, продемонстрировав ему обе руки и обе ноги в ком-плекте. Тайсон радостно захлопал в ладоши.

– Ура! – воскликнул он. – Теперь мы можем лопать бутерброды с арахисовым маслом и кататься на рыбах-лошадках! Мы будем сражаться с чудовищами, мы увидимся с Аннабет, мы чего-нибудь взорвем!

Надеюсь, не все это сразу и одновременно? Но я ему ответил, что да, лето обещает быть очень прикольным. Я невольно улыбался: Тайсон ко всему относился с таким энтузиазмом!

– Но прежде всего, – сказал я, – нас ждет осмотр. Надо...

Тут я огляделся по сторонам и понял, что Тайсон потрудился на славу. Пол был выметен. Койки застелены. Коралловый фонтанчик с морской водой отмыт до блеска. На подоконниках Тайсон расставил вазы с водой, с морскими анемонами и странными светящимися растениями со дна океана, куда более прекрасными, чем любые букеты, которые могли бы набрать дети Деметры.

– Ох, Тайсон, как тут стало... здорово!

Он просиял.

– А рыбок-лошадок видел? Я их на потолок подвесил!

С потолка на проволочках свисала стайка миниатюрных бронзовых морских коньков. Казалось, будто они плавают в воздухе. Просто не верилось, что Тайсон, с его ручищами, способен создавать такие тонкие вещицы. Потом я взглянул на свою койку и увидел, что на стене висит мой старый щит.

– Ты его починил!

Щит сильно пострадал в результате нападения мантикоры прошлой зимой, но теперь он снова был как новенький – ни царапинки! И все бронзовые изображения наших с Тайсоном и Аннабет приключений в море Чудовищ были отполированы до блеска.

Я посмотрел на Тайсона. Я не знал, как его и благодарить.

И тут кто-то у меня за спиной сказал:

– Ну надо же!

Селена Боргард стояла в дверях со своим свитком. Она вошла в домик, развернулась на месте, посмотрела на меня и вскинула брови.

– Хм, я ждала совсем другого... Но вы отлично прибрались, Перси. Я это запомню.

Она подмигнула и вышла.

Мы с Тайсоном провели вторую половину дня, обмениваясь новостями и просто болтая обо всем на свете – это было очень приятно после того, как с утра на меня напали эмпусы-чирлидерши.

Мы сходили в кузницу, помогли Бекендорфу из домика Гефеста в работе по металлу. Тайсон показал, какое магическое оружие он научился делать. Огненную двулезвийную секиру он выковал так быстро, что даже Бекендорф удивился.

За работой Тайсон нам рассказал про тот год, что провел на дне морском. Сверкая единственным глазом, он описывал кузницы циклопов и дворец Посейдона. Но рассказал он и о том, какое напряженное положение складывается. Древние морские боги, что правили во времена титанов, объявили войну нашему отцу. Когда Тайсон уходил оттуда, битвы шли по всей Атлантике. Узнав об этом, я занервничал: ну, мне же вроде как надо быть там, помогать! – но Тайсон меня заверил, что отец хотел, чтобы мы оба остались в лагере.

– На суше тоже гадов хватает, – сказал Тайсон. – Мы их всех взорвем!

После кузниц мы пошли на озеро вместе с Аннабет. Девочка была искренне рада видеть Тайсона, но я заметил, что ей не до нас. Она все оглядывалась на лес, как будто не переставала думать о проблемах Гроувера. Я ее понимал. Гроувера было нигде не видеть, и я тоже из-за него переживал. Отыскать пропавшего бога Пана – цель всей его жизни. Его отец и дядя оба пропали, ведомые той же мечтой. Прошлой зимой Гроувер услышал голос: «Я жду тебя!» – голос, который, как он был уверен, принадлежал Пану, – но все его поиски, по-видимому, так ни к чему и не привели. Если Совет отберет у него лицензию искателя, его это убьет.

– А что это за «другой выход»? – спросил я у Аннабет. – Ну, то, о чем говорила Кларисса?

Она подобрала камушек и запустила по воде «блинчики».

– Одна штука, Кларисса ее разнюхала. Я ей кое в чем подсобила прошлой весной. Но дело будет опасное. Особенно для Гроувера.

– Побаиваюсь я этого козлика, – буркнул Тайсон.

Я изумленно уставился на него. Тайсон не боялся ни огнедышащих быков, ни морских чудовищ, ни великанов-людоедов.

– Чего его бояться, это же Гроувер?

– Рога, копыта... – нервно пробормотал Тайсон. – И еще у меня нос чешется от козьего меха.

Тем и закончился разговор о Гроувере.

Перед ужином мы с Тайсоном пошли на арену для боя на мечах. Квинтус нам обрадовался. Он по-прежнему не желал признаваться, что у него в деревянных ящиках, но зато научил меня нескольким новым приемам. Мужик был крут. Он фехтовал, как иные люди играют в шахматы: будто все ходы у него просчитаны наперед, и ты не поймешь, что он замышляет, пока он не сделает последний взмах и его меч не упрется тебе в горло.

– Недурная попытка, – сказал он мне. – Блок низковат.

Он сделал выпад, я парировал.

– А вы всегда фехтовальщиком были? – спросил я.

Он отбил мой верхний удар.

– Я много кем был.

Он коротко пырнул мечом, я уклонился вбок. Ремень у него на плече съехал на бок, и я снова увидел ту отметину: сизое пятно. Это была не просто родинка. Она явно имела форму: птица со сложенными крыльями, вроде куropатки.

– А что это у вас на шее? – спросил я, хотя это, наверное, было невежливо. Ну, что поделаешь, у меня же СДВГ. Вечно я ляпаю что-нибудь не подумавши.

Квинтус сбился с ритма. Я ударил по гарде меча и вышиб клинок у него из руки.

Он потер пальцы. Потом поправил доспех так, чтобы прикрыть метину. Я понял, что это не татуировка. Это старый ожог... как будто клеймо.

– Памятка.

Он подобрал меч и натянуто улыбнулся.

– Ну что, давай еще?

Он принялся меня теснить, не давая времени задавать вопросы.

Пока мы фехтовали, Тайсон играл с Миссис О'Лири. Он называл ее «собачечкой». Они долго отбирали друг у друга бронзовый щит и играли в «Хватай грека!». К тому времени, как зашло солнце, Квинтус даже не вспотел, что было довольно странно – а вот мы с Тайсоном оба были липкие и запыхавшиеся. Мы сбегали в душ и стали готовиться к ужину.

Мне было хорошо. Почти что обычный день в лагере. Пришло время ужина, все ребята построились у своих домиков и строем пошли в обеденный зал. Большинство из них не обращали внимания на заделанную трещину в мраморном полу у входа: трехметровый извилистый шрам, которого прошлым летом не было, – но я старательно переступил через нее.

– Какая здоровая дырка, – сказал Тайсон, когда мы сели за наш стол. – Что, землетрясение было?

– Нет, – ответил я. – Не землетрясение.

Я даже не знал, говорить ему или нет. Это была тайна, которую знали только мы с Аннабет и Гроувером. Но я посмотрел в широко раскрытый глаз Тайсона и понял, что от него я это скрывать не буду.

– Нико ди Анджело, – сказал я вполголоса. – Тот пацан-полукровка, которого мы привезли в лагерь прошлой зимой. Он... э-э... попросил меня защищать его сестру, а у меня не вышло. Она погибла. И теперь он винит во всем меня.

Тайсон нахмурился.

– И он из-за этого сделал дырку в полу?

– На нас напали скелеты, – пояснил я. – Нико велел им убираться, и земля просто разверзлась и поглотила их. Нико... – Я огляделся, чтобы убедиться, что никто нас не подслушивает. – Нико – сын Аида.

Тайсон задумчиво кивнул.

– Бога мертвых.

– Ага.

– И этот парень, Нико, теперь исчез?

– Н-наврное... Весной я пытался его разыскать. И Аннабет тоже. Но у нас ничего не вышло. Только это тайна, Тайсон. Договорились? Если кто-нибудь узнает, что он сын Аида, ему будет грозить опасность. Даже Хирону не говори, понял?

– Дурное пророчество, – сказал Тайсон. – Титаны могут использовать его, если узнают.

Я уставился на него. Тайсон такой здоровый и ребячливый, что иногда забываешь, какой он сообразительный. Он знал, что тому отпрыску Большой Тройки богов – Зевса, Посейдона или Аида, – кому в ближайшее время должно исполниться шестнадцать, предрешиено спасти либо погубить гору Олимп. Большинство предполагало, что в пророчестве говорится обо мне, но, если я погибну, не дожив до шестнадцати, то это вполне может относиться и к Нико.

– Именно, – сказал я. – Так что...

– Рот на замок! – пообещал Тайсон. – Мои уста запечатаны, как эта трещина.

В тот вечер я никак не мог уснуть. Я лежал в кровати, слушая шум волн, набегающих на берег, и голоса сов и чудовищ в лесу. Я боялся, что, если усну, у меня начнутся кошмары.

Понимаете, у нас, полукровок, сны – это не просто сны. Мы получаем вести. Мы прозреваем то, что происходит с нашими друзьями или врагами. Иногда даже прошлое или будущее. А в лагере сны мне снились особенно часто, и всегда были особенно правдоподобными.

И вот я лежал без сна почти до полуночи, глядя на матрас верхней койки. И тут я осознал, что комната озарена странным светом. Фонтанчик с морской водой светился.

Я сбросил одеяло и опасливо подошел. Морская вода была горячая, от нее шел пар. Струйка воды переливалась всеми цветами радуги, хотя никакого света в комнате не было, только луна за окошком. Потом из клубов пара послышался приятный женский голос: «Пожалуйста, бросьте одну драхму».

Я оглянулся на Тайсона – тот по-прежнему храпел. Он спит крепко, как слон, накачанный транквилизаторами.

Я не знал, что и думать. Мне никогда еще не приходилось получать послания Ириды. На дне фонтанчика блеснула золотая драхма. Я достал ее и бросил в клубы пара. Монетка исчезла.

– О Ирида, богиня радуги, – прошептал я, – покажи же мне ныне... Ну, то, что ты собираешься мне показать.

Пар замерцал. Я увидел темный речной берег. Над черной водой ползли клочья тумана. На берегу валялись осколки вулканической породы. У реки сидел на корточках мальчик, подерживая костерок. Пламя имело неестественный голубой оттенок. Потом я увидел лицо мальчика. Это был Нико ди Анджело. Он бросал в костер листочки бумаги: карточки из «Мифов и магии», игры, которой он увлекался этой зимой.

Нико было всего десять – теперь, наверно, уже одиннадцать, – но выглядел он старше. Волосы у него отросли. Они были спутанные и растрепанные и почти доставали до плеч. Глаза темные. Оливковая кожа побледнела. На Нико были драные черные джинсы и потрепанная пилотская куртка, на несколько размеров больше, чем надо. Куртка была расстегнута, под ней виднелась черная рубашка. Лицо чумазое, глаза слегка безумные. Нико был похож на уличного беспризорника.

Я ждал, когда он посмотрит на меня. Наверняка сейчас разозлится, примется упрекать меня за то, что я позволил его сестре умереть... Но он меня как будто не замечал.

Я стоял тихо, не смея шевельнуться. Если это послание Ириды отправил не он, то кто же тогда?

Нико бросил в голубое пламя еще одну карту.

– Бесполезная штука, – буркнул он. – Просто не верится, что когда-то мне это нравилось.

– Ребячья забава, хозяин, – поддакнул другой голос. Он вроде бы доносился откуда-то от костра, но мне было не видно, кто это говорит.

Нико смотрел за реку. За ней виднелся черный берег, одетый туманом. Я узнал его: это был подземный мир. Нико сидел на берегу Стикса.

– Ничего не вышло, – пробормотал он. – Назад ее никак не вернешь.

Другой голос ничего не ответил.

Нико нерешительно повернулся в его сторону.

– Ты тут? Отвечай!

Что-то замерцало. Я было подумал, что это просто отсвет костра. Потом понял, что это человеческая фигура: клочок голубого дыма, тени. Если смотреть на него в упор, ни за что не увидишь. Но если взглянуть краешком глаза, то становятся видны очертания фигуры. Призрак.

– Такого еще никто не делал, – ответил призрак. – Но, возможно, способ все же есть.

– Рассказывай! – велел Нико. Глаза у него яростно сверкали.

– Обмен, – сказал призрак. – Душа за душу.

– Я предлагал!

– Нет, не твоя, – сказал призрак. – Ты не можешь предложить своему отцу душу, которую он и так получит, рано или поздно. К тому же смерть сына его не порадует. Я имею в виду душу, которой давно пора умереть. Кого-то, кто сумел обмануть смерть.

Лицо Нико помрачнело.

– Ну вот, опять ты! Ты говоришь об убийстве.

– Я говорю о справедливости, – возразил призрак. – О мести.

– Это не одно и то же.

Призрак сухо рассмеялся.

– Подрастешь – узнаешь, что это не так.

Нико смотрел в огонь.

– Но почему у меня не получается хотя бы призвать ее? Я хочу с ней поговорить. Она бы... она бы мне помогла.

– Я тебе помогу! – пообещал призрак. – Не я ли спасал тебя уже не раз? Не я ли провел тебя через лабиринт и научил использовать свою силу? Так ты хочешь отомстить за сестру или нет?

Не нравился мне тон этого призрака. Он мне напоминал одного мальчишку из моей бывшей школы, задиру и забияку, который вечно подначивал других ребят делать всякие глупости: воровать оборудование из кабинетов или портить машины преподавателей. Сам-то он никогда не попадался, а вот других ребят из-за него поисключали уйму.

Нико отвернулся от огня, чтобы призраку не было видно его лица – зато мне его было видно. По щеке сползла слеза.

– Ну ладно. У тебя есть план?

– Да, конечно! – сказал призрак, ужасно довольный. – Но нам предстоит пройти немало темных дорог. Пора в путь...

Изображение замерцало. Нико исчез. Женский голос из тумана произнес: «Чтобы прослушать следующие пять минут, пожалуйста, бросьте еще одну драхму».

Других монет в фонтанчике не оказалось. Я полез в карманы – но на мне была пижама. Я бросился к тумбочке за мелочью, но послание Ириды уже мигнуло и выключилось. В комнате вновь сделалось темно. Связь прервалась.

Я стоял посреди домика, прислушиваясь к журчанию фонтанчика и шуму океанских волн за окном.

Нико жив. Он пытается вернуть свою сестру из мира мертвых. И у меня было такое ощущение, что я знаю, чью именно душу он намерен предложить взамен. Того, кто обманул смерть. Из мести.

Нико ди Анджело явится за мной.

Глава третья

Мы играем в салочки со скорпионами

На следующее утро за завтраком все были взбудоражены.

Судя по всему, в три часа ночи на границах лагеря видели эфиопского дракона. Но я так устал, что проспал весь шум. Магические границы не пустили чудовище внутрь, но оно так и бродило по холмам, отыскивая слабые места в обороне, и уходить никуда не собиралось, пока Ли Флетчер из домика Аполлона не отправился в погоню вместе с парочкой своих родичей. После того, как в щели драконьей брони впилося несколько десятков стрел, намек был понят, и дракон смылся.

– Но он по-прежнему бродит поблизости! – предупредил нас Ли в обеденном зале. – Двадцать стрел засело у него в шкуре, а он только разозлился. Эта зверюга длиной метров десять, ярко-зеленая. И глаза у нее...

Ли передернуло.

– Молодец, Ли! – Хирон похлопал его по плечу. – Ребята, держитесь настороже, но в панику ударяться не надо. Не в первый раз!

– Ну да, – откликнулся Квинтус, сидящий за главным столом. – И далеко не в последний. Такое будет случаться все чаще и чаще.

Ребята загомонили.

Слухи были известны всем: Лука со своим воинством чудовищ намерен атаковать лагерь. Большинство из нас ожидали, что это случится нынешним летом, но никто не знал, когда и как. Дело осложнялось тем, что нас было маловато. В лагерь приехало всего человек восемьдесят. Три года назад, когда я был тут впервые, нас было больше сотни. Некоторые погибли. Некоторые присоединились к Луке. Некоторые просто исчезли.

– Это хороший повод устроить новые военные игры! – продолжал Квинтус, блестя глазами. – Сегодня вечером посмотрим, как вы управитесь.

– Да... – сказал Хирон. – Ну что ж, довольно разговоров. Благословим нашу трапезу и приступим!

Он поднял свой кубок.

– Во имя богов!

Мы все подняли свои стаканы и повторили благословение.

Мы с Тайсоном подошли со своими тарелками к бронзовой жаровне и бросили часть еды в пламя. Надеюсь, боги любят тосты с изюмом и мясли.

– Посейдон! – позвал я. И прошептал: – Помоги мне с Нико, и с Лукой, и разобраться с Гроувером...

Проблем у меня было столько, что я мог бы перечислять их здесь все утро, но я вернулся за стол.

Когда все принялись есть, Хирон с Гроувером подошли к нам. Глаза у Гроувера были ослепшие, рубашка надета наизнанку. Он поставил тарелку на стол и плюхнулся рядом со мной.

Тайсон неловко заерзал.

– Ну, я пойду... это... рыбок-лошадок почищу.

И убрел прочь, не доев свой завтрак.

Хирон попытался улыбнуться. Ему, наверно, хотелось нас подбодрить, но фигура кентавра возвышалась надо мной довольно угрожающе, бросая тень через стол.

– Ну что, Перси, как тебе спалось?

– Ну... нормально.

Интересно, почему он спрашивает? Неужели он что-то знает о том странном послании Ириды, которое я получил?

– Я решил привести Гроувера, потому что вам, наверное, есть что... обсудить, – сказал Хирон. – А теперь прошу прощения: мне надо отправить несколько посланий Ириды. Увидимся позже.

Он многозначительно взглянул на Гроувера и рысцой удалился из зала.

– О чем это он? – спросил я у Гроувера.

Тот молча жевал яичницу. Я видел, что он рассеян: он откусил у вилки пару зубчиков и сжевал и их тоже.

– Он хочет, чтобы ты меня убедил, – пробормотал он.

На скамейку рядом со мной сел кто-то еще: Аннабет.

– Я тебе объясню, о чем он, – сказала она. – О Лабиринте.

Сосредоточиться на том, что она говорит, было не так-то просто: все, кто был в зале, поглядывали на нас и шептались. Да еще Аннабет сидела рядом. Я имею в виду – совсем рядом.

– Тебе же не положено тут находиться, – сказал я.

– Нам надо поговорить! – настаивала она.

– Но правила же...

Она не хуже моего знала, что пересаживаться с одного стола к другому запрещено. Сатиры – дело другое. Они ведь на самом деле не полубоги. Но полукровкам полагается сидеть со своим домиком. Я даже не знал, какое наказание полагается тем, кто садится не за свой стол. Такого просто никогда не бывало. Будь здесь мистер Д., он бы, наверное, удавил Аннабет своими волшебными лозами или еще что-нибудь. Но мистера Д. не было. А Хирон уже вышел. Квинтус посмотрел на нас, вскинул бровь, но ничего не сказал.

– Слушай, – говорила Аннабет, – у Гроувера проблемы. И мы придумали только один способ ему помочь. Это Лабиринт. Именно это мы с Клариссой и пытались выяснить.

Я поерзал на скамейке, собираясь с мыслями.

– Имеется в виду тот Лабиринт, где в старину держали Минотавра, да?

– Именно, – кивнула Аннабет.

– Так значит... он теперь не в подземельях царского дворца на Крите! – догадался я. – Он где-то тут, в Америке! В подвале какого-то здания!

Прикиньте, да? Мне потребовалось всего-навсего несколько лет, чтобы обо всем догадаться. Я же знал, что все важные места в западной цивилизации переместились. Например, гора Олимп теперь находится над небоскребом Эмпайр-стейт-билдинг, а вход в подземный мир расположен в Лос-Анджелесе. Я собой изрядно гордился.

Аннабет закатила глаза.

– В подвале? Ну, Перси! Лабиринт же огромный! Он и под целым городом-то не поместится, не то что под зданием.

Я вспомнил свой сон про Нико на берегу Стикса.

– Так значит, Лабиринт – часть подземного мира?

– Нет, – нахмурилась Аннабет. – Ну, точнее, в Лабиринте действительно могут быть проходы в подземный мир. Я не уверена. Но подземный мир гораздо, гораздо глубже! А Лабиринт находится прямо под поверхностью мира смертных, вроде как вторая кожа. Он рос тысячами, разрастался под западными городами, соединяя их подземными ходами. Через Лабиринт можно попасть куда угодно.

– Если только не заблудишься, – буркнул Гроувер. – И не умрешь страшной смертью.

– Гроувер, ну должен же быть способ! – возразила Аннабет. У меня сложилось впечатление, что этот разговор они ведут не впервые. – Кларисса-то выжила.

– И то чудом! – сказал Гроувер. – А тот парень...

– Он сошел с ума. Но не умер же?

– Ага, замечательно! – у Гроувера задрожала нижняя губа. – Это так утешает!

– Так, стоп, – произнес я. – Начнем с начала. Что это за история с Клариссой и сумасшедшим парнем?

Аннабет бросила взгляд на стол Ареса. Кларисса смотрела на нас так, будто знала, о чем идет речь. Но она тут же уткнулась взглядом в свою тарелку.

– В прошлом году, – проговорила Аннабет, понизив голос, – Хирон дал Клариссе задание.

– Ну да, помню, – сказал я. – Секретное.

Аннабет кивнула. Несмотря на то что она вела себя чересчур серьезно, я был рад, что она больше на меня не злится. И мне, в общем, было приятно, что она нарушила правила ради того, чтобы быть рядом со мной.

– Задание было секретное, – проговорила Аннабет, – потому что она нашла Криса Родригеса.

– Того парня из домика Гермеса?

Я помнил его по событиям двухлетней давности. Мы его подслушивали на борту «Царевны Андромеды», корабля Луки. Крис был одним из тех полукровок, что бросили лагерь и присоединились к армии титанов.

– Ага, – сказала Аннабет. – Прошлым летом он просто появился в Фениксе, в штате Аризона, неподалеку от дома Клариссиной мамы.

– В смысле – «просто появился»?

– Он бродил по пустыне в пятидесятиградусную жару, в полном греческом доспехе, и что-то бормотал про нить.

– Про нить... – повторил я.

– Он был совершенно невменяемый. Кларисса привела его домой, к маме, чтобы смертные не забрали его в лечебницу. Она пыталась хоть как-то его выводить. Приходил Хирон, расспрашивал его, но толку особого не было. Единственное, что удалось из него вытянуть, это что подчиненные Луки исследуют Лабиринт.

Я содрогнулся, сам не зная почему. Бедный Крис... а ведь не такой уж плохой парень был. Что же могло свести его с ума? Я взглянул на Гроувера – тот задумчиво дожевывал остаток своей вилки.

– Ну ладно, – сказал я. – А зачем им Лабиринт?

– Этого мы не знали, – ответила Аннабет. – Потому Кларисса и отправилась на разведку. Хирон держал это все в секрете, он не хотел паники. Меня он посвятил в тайну, потому что... Ну, в общем, я всегда интересовалась Лабиринтом. Его архитектура...

Лицо у нее сделалось мечтательным.

– Его строитель, Дедал – он был гений. Но штука в том, что входы в Лабиринт есть везде. И если Лука найдет способ в нем ориентироваться, он сможет перебрасывать свои войска с немыслимой скоростью.

– Но ведь там же сплошные запутанные ходы, верно?

– И полно ужасных ловушек, – подтвердил Гроувер. – Тупиков. Иллюзий. Психованных чудищ, убивающих бедных козликов.

– Но если у тебя есть нить Ариадны, это спасение, – сказала Аннабет. – В былые времена нить Ариадны помогла Тезею выйти из Лабиринта. Это был некий навигационный инструмент, изобретенный Дедалом. И Крис Родригес тоже все твердил про нить.

– Значит, Лука пытается отыскать нить Ариадны, – сказал я. – А зачем? Что он задумал? Аннабет покачала головой.

– Не знаю. Я думала, может быть, он хочет использовать Лабиринт, чтобы вторгнуться в лагерь, но это не имеет смысла. Ближайшие входы, которые обнаружила Кларисса, находятся на Манхеттене, а это не поможет Луке миновать наши границы. Кларисса немного углубилась в ходы, но... там очень опасно. Несколько раз она выжила чудом. Я изучила все сведения о

Дедале, какие мне удалось раздобыть. Но, боюсь, это мало чем помогло. Я не знаю точно, что замышляет Лука, но уверена в одном: Лабиринт может оказаться ключом к проблеме Гроувера.

Я растерянно поморгал.

– Ты думаешь, Пан находится под землей?

– Это объяснило бы, отчего его до сих пор не нашли.

Гроувер содрогнулся.

– Сатиры терпеть не могут подземелий! Ни один искатель даже не попытался бы спуститься в это место. Ни тебе цветочков. Ни солнышка. Ни кофеен!

– Но зато, – сказала Аннабет, – Лабиринт может привести тебя почти куда угодно. Он читает твои мысли. Он нарочно построен так, чтобы задурить голову, обмануть и погубить. Но если ты заставишь Лабиринт работать на тебя...

– Он может привести к лесному богу, – сказал я.

– Не могу! – Гроувер обхватил себя руками. – Мне стоит об этом подумать – и меня сразу тошнит столовыми приборами.

– Гроувер, это, возможно, твой последний шанс! – сказала Аннабет. – Совет не шутил. У тебя в запасе неделя – или учишься плясать чечетку!

Квинтус, сидящий за главным столом, кашлянул. У меня сложилось впечатление, что он не хочет поднимать шум, однако Аннабет чересчур засиделась за моим столом.

– Побеседуем позже, – подруга сжала мою руку – сильнее, чем требовалось. – Попробуй его уговорить, ладно?

Она вернулась за стол Афины, не обращая внимания на тех, кто на нее пялился.

Гроувер схватился за голову.

– Не могу, Перси! Лицензия искателя... Пан... Я потеряю все. Придется открывать театр марионеток...

– Не говори так! Что-нибудь да придумаем.

Он посмотрел на меня заплаканными глазами.

– Перси, ты мой лучший друг. Ты же видел меня под землей. Тогда, в пещере циклопа. Ты действительно думаешь, будто я смогу...

Он запнулся. Я вспомнил море Чудовищ, где он застрял в пещере циклопа. Гроувер и так-то недолюбливал всякие подземелья, а с тех пор он их просто не переваривал. И циклопов он побаивался. Даже Тайсона... Гроувер пытался это скрывать, но мы с ним могли считывать эмоции друг друга, с тех пор как он установил между нами эмпатическую связь. И я знал, какие чувства он испытывает. Гроувер ужасно боялся этого верзилы.

– Мне надо идти, – с несчастным видом сказал сатир. – Меня Можжевела ждет. Хорошо, что ей нравятся слабаки...

Когда Гроувер ушел, я посмотрел на Квинта. Он угрюмо кивнул, как будто у нас была какая-то общая мрачная тайна. И снова принялся резать колбасу кинжалом.

После обеда я отправился на пегасовую конюшню, навестить своего друга – черного пегаса Блэкджека.

«Ого, шеф! – он загарцевал по деннику, хлопая черными крыльями. – Сахарку не найдется?»

– Ну, Пират, тебе сахар вреден, ты же знаешь!

«Ага, ага! Ну так что, принес или нет?»

Я улыбнулся и скормил ему целую горсть рафинада. Мы с Пиратом были старые друзья. Я несколько лет назад вроде как помог ему бежать с демонского лайнера Луки, и с тех пор он считал себя моим вечным должником.

«Ну что, шеф, никаких приключений не наклеивается? – спросил Пират. – А то я готов!»

Я погладил его по носу.

– Даже и не уверен, приятель. Тут только и говорят, что обо всяких подземных лабиринтах.

Пират нервозно заржал.

«Ого-го! Нет, это не для лошадки! Но ты же не дурак, шеф, ты же в Лабиринт не полезешь, а? А не то окончишь свои дни переработанным на колбасу!»

– Может, ты и прав, Пират. Там посмотрим.

Пегас задумчиво похрустел сахаром и встряхнул гривой, как будто сахар ударил ему в голову. «Йэхх! Хорошо! Ну, шеф, как одумаешься и решишь куда-нибудь полететь, ты только свистни. Старина Пират со своими друзьями за тебя любого стопчет!»

Я сказал ему, что буду иметь в виду. Потом на конюшню прибежала толпа ребят помладше, у них был урок верховой езды, и я решил, что пора уходить. У меня было нехорошее чувство, что Пирата я теперь увижу нескоро.

В тот же вечер после ужина Квинтус велел нам надеть боевые доспехи, как будто мы готовились к захвату флага. Но настроение у ребят было куда серьезнее. Стоявшие на арене ящики исчезли, и у меня было такое ощущение, что их содержимое теперь в лесу.

– Ну хорошо, – сказал Квинтус, стоя у главного стола в обеденном зале. – Идите все сюда.

Он был облачен в черную кожу и бронзу. При свете факелов его седые волосы делали его похожим на призрака. Миссис О’Лири весело скакала вокруг, промышляя объедками от ужина.

– Вы разобьетесь на двойки, – объявил Квинтус. Когда народ загомонил и потянулся к друзьям, он прогремел: – Как именно – уже решено!

– У-у-у-у! – взвыли все.

– Задача простая: найти золотой лавровый венец и не погибнуть. Венец завернут в шелк и привязан к спине одного из чудовищ. Чудовищ всего шесть. У каждого на спине шелковый сверток. Но венец всего один. Вам надо найти венец раньше других команд. И, разумеется, чтобы его заполучить, вам придется убить чудовище и остаться в живых.

Толпа возбужденно загомонила. Задача действительно выглядела понятной и доступной. Что мы, чудовищ не убивали, что ли? Мы все к этому и готовились.

– А теперь я объявлю, кто с кем пойдет, – сказал Квинтус. – Не торговаться. Не меняться. И не канючить.

– Гррафф! – Миссис О’Лири сунула морду в тарелку с пищей.

Квинтус достал длинный свиток и принялся зачитывать имена. Бекендорф должен был идти с Селеной Боргард – его это вполне устроило. Братья Стоулл, Коннор и Тревис, пойдут вместе. Это и неудивительно. Они все делали вместе. Кларисса – с Ли Флетчером из домика Аполлона: она – мечник, он – стрелок, сильная пара. Квинтус перечислял имена одно за другим, и вот, наконец, прозвучало:

– Перси Джексон – с Аннабет Чейз.

– Клево! – Я улыбнулся Аннабет.

– У тебя доспех перекошен, – только и сказала она и принялась перестегивать на мне ремни.

– Гроувер Ундервуд, – продолжал Квинтус, – с Тайсоном.

Гроувер чуть не выпрыгнул из своей козлиной шкуры.

– Что-о? Н-но...

– Нет-нет! – заскулил Тайсон. – Тут, наверно, ошибка! Этот козлик...

– Не ныть! – рявкнул Квинтус. – Встать рядом с напарником! Две минуты на подготовку.

Тайсон с Гроувером оба умоляюще уставились на меня. Я ободряюще закивал и замахал руками – мол, идите, идите вместе. Тайсон чихнул. Гроувер принялся нервно грызть свою дубинку.

– Все с ними будет нормально, – сказала Аннабет. – Пошли. Давай лучше подумаем о том, как нам с тобой остаться в живых.

Когда мы вошли в лес, было еще светло, но под деревьями было темно, будто в полночь. И холодина такая, хоть и лето. Мы с Аннабет почти сразу напали на след: множество царапин, оставленных чем-то многоногим. Мы пошли по следу.

Перепрыгнув через ручей, слышали неподалеку треск сучьев. Мы спрятались было за валуном, но то были всего лишь братья Стоулл: они продирались через чащу, бранясь и спотыкаясь. Может, их отец и бог воров, но в лесу они шумели, что твои буйволы.

Когда Стоуллы прошли мимо, мы углубились в западные дебри, где водились самые жуткие чудовища. Мы вышли на утес над заболоченным озерцом, и тут Аннабет вдруг напряглась.

– Это то самое место, где мы прекратили поиски.

Я не сразу сообразил, о чем она. Прошлой зимой мы отправились искать Нико ди Анджело и именно тут оставили надежду его найти. Мы с Гроувером и Аннабет стояли на этой самой скале, и я уговаривал их не говорить Хирону правду: что Нико – сын Аида. Тогда мне казалось, что так будет правильно. Мне хотелось его защитить. Хотелось самому его найти и извиниться за то, что случилось с его сестрой. И вот теперь, полгода спустя, я был ничуть не ближе к тому, чтобы его отыскать. От этого мне сделалось горько.

– Я его видел прошлой ночью, – сказал я.

Аннабет нахмурилась.

– Что ты имеешь в виду?

Я рассказал ей про послание Ириды. Когда я договорил, она устремила взгляд в лесные тени.

– Он призывает мертвых? Это нехорошо.

– Призрак давал ему дурные советы, – сказал я. – Уговаривал его отомстить.

– Ага. Призраки вообще дурные советчики. Они преследуют свои собственные цели. Сводят старые счеты. И еще они завидуют живым.

– Он придет за мной, – произнес я. – Дух упоминал про Лабиринт.

Она кивнула.

– Значит, решено. С Лабиринтом разобраться необходимо.

– Ну, может быть, – согласился я. Мне было не по себе. – Но кто же отправил это послание? Если Нико не знал, что я здесь?

В лесу хрустнула ветка. Зашуршала прошлогодняя листва. Через лес, за гребнем утеса, брело нечто огромное.

– Это явно не братья Стоулл! – шепнула Аннабет.

Мы обнажили мечи.

Мы поднялись на Зевсов Кулак, громадную грудку валунов в центре западных дебрей. Это был естественный ориентир, ребята часто назначали там встречу во время вылазок, но сейчас там никого не было.

– Вон там! – шепнула Аннабет.

– Нет, погоди! – возразил я. – Сзади!

Это было странно. Шорох и шуршание доносились как будто бы сразу с нескольких сторон. Мы оглядели валуны, держа мечи наготове, как вдруг кто-то сказал «Привет!» прямо у нас за спиной.

Мы резко развернулись, лесная нимфа Можжевела взвизгнула.

– Уберите эту гадость! – возмутилась она. – Дриады не любят острых клинков, ясно?

– Можжевела! – выдохнула Аннабет. – Ты что тут делаешь?

– Живу я тут.

Я опустил меч.

– В валунах, что ли?

Она указала на край поляны.

– В можжевельнике! Во тупой!

Ну да, логично. Я почувствовал себя идиотом. Я много лет общался с дриадами, но ни разу по-настоящему с ними не разговаривал. Я знал, что они не могут уходить далеко от своего дерева, потому что это источник их жизни. Но больше я про них почти ничего и не знал.

– Вы очень заняты? – спросила Можжевела.

– Ну как, – ответил я, – мы сейчас участвуем в игре, где надо убить кучу чудовищ и не быть убитым самому.

– Нет, не заняты, – сказала Аннабет. – Что случилось, Можжевела?

Дриада всхлипнула и утерла глаза шелковым рукавом.

– Да все Гроувер... Он сделался такой странный! Целый год ищет Пана. И каждый раз, как он возвращается, с ним все хуже и хуже. Я даже поначалу думала, может, он с другим деревом встречается?

– Нет-нет, – сказала Аннабет, когда Можжевела снова расплакалась. – Я уверена, что дело не в этом.

– А вот он как-то раз увлекся кустом черники... – грустно произнесла Можжевела.

– Можжевела, – проговорила Аннабет, – Гроувер бы ни за что даже и не взглянул на другое дерево! Он просто расстроен из-за своей лицензии искателя.

– Под землю он не пойдет! – твердо сказала дриада. – Не пускайте его туда!

Аннабет сделалось неловко.

– Но, может быть, это единственный способ ему помочь – если бы мы только знали, откуда начать...

– А-а! – Можжевела утерла со щеки зеленую слезу. – Ну, это-то как раз...

В лесу снова раздался шорох, и Можжевела вскричала:

– Прячьтесь!

И не успел я спросить, почему, как она развеялась облачком зеленого тумана.

Мы с Аннабет обернулись. Из чащобы выползло блестящее янтарное членистоногое, длиной метра три, с зазубренными клешнями, бронированным хвостом и жалом длиной с мой меч. Скорпион. И на спине у него красовался сверток алого шелка.

– Один заходит сзади, – произнесла Аннабет, пока тварь, стрекоча, надвигалась на нас, – и отрубает ему хвост. А второй отвлекает его спереди.

– Чур, я отвлекаю, – вызвался я. – У тебя же есть шапка-невидимка.

Она кивнула. Мы столько раз сражались вместе, что все ходы были просчитаны наперед. Задача была нетрудная. Но все планы спутались, когда из леса выползли еще два скорпиона.

– Трое?! – воскликнула Аннабет. – Не может быть! Что, половина чудовищ со всего леса собралась сюда, к нам?

Я сглотнул. Одного завалить несложно. Можно и двоих, если повезет. Но троих? Сомнительно...

Скорпионы семенили в нашу сторону, размахивая своими зазубренными хвостами, как будто только затем и явились, чтобы нас убить. Мы с Аннабет прижались спинами к ближайшему валуну.

– Залезем? – спросил я.

– Некогда, – ответила она.

Аннабет была права. Скорпионы уже окружали нас. Они были так близко, что я видел пену в их чудовищных ртах: чудовища предвкушали, как они поживятся вкусными полубогами.

– Берегись!

Аннабет отбила жало мечом, развернув его плашмя. Я сделал выпад Анаклузмосом, однако скорпион отбежал назад. Мы отходили в сторону, вдоль валунов, но скорпионы преследовали нас. Я рубанул еще одного, но переходить в наступление было слишком опасно. Если попытаться дотянуться до тела, он ударит сверху хвостом. Если броситься на хвост, с обеих сторон высунутся клешни твари и попытаются меня схватить. Оставалось только отбиваться, а долго мы так не продержимся.

Я сделал еще шаг в сторону и вдруг обнаружил, что за спиной ничего нет. Там была трещина между двух самых здоровых валунов. Я, небось, миллион раз проходил мимо, но...

– Сюда! – скомандовал я.

Аннабет рубанула скорпиона и взглянула на меня как на сумасшедшего.

– Туда? Там же слишком тесно!

– Я тебя прикрою. Давай!

Она шмыгнула мне за спину и принялась протискиваться между валунами. А потом вскрикнула, ухватила за ремни моего доспеха, и я полетел в какую-то яму, которой еще мгновение назад там не было. Вверху мелькнули скорпионы, лиловое вечернее небо, деревья, а потом дыра сомкнулась, как диафрагма объектива, и мы очутились в крошечной тьме.

Наше дыхание гулким эхом отдавалось среди каменных стен. Было сыро и холодно. Я сидел на неровном полу, на ощупь как будто кирпичном.

Я поднял свой меч. Слабого свечения клинка как раз хватило на то, чтобы озарить перепуганное лицо Аннабет и мшистые каменные стены по обе стороны от нас.

– Г-где мы? – спросила моя подруга.

– Во всяком случае, скорпионов тут нет.

Я старался говорить спокойно, но на самом деле я психовал. Трещина между валунами никак не могла вести в пещеру. Была бы тут пещера, я бы об этом знал, это точно. Такое ощущение, будто земля разверзлась и поглотила нас. Я не мог думать ни о чем, кроме той трещины в полу обеденного зала, которая прошлым летом поглотила скелетов. Неужели и с нами случилось то же самое?

Я снова поднял меч, чтобы стало посветлее.

– Какая-то длинная комната... – пробормотал я.

Аннабет схватила меня за руку.

– Это не комната. Это коридор!

Она была права. Тьма впереди выглядела какой-то... более пустой. И тянуло теплым сквознячком, как в метро, только все выглядело куда древнее и почему-то опаснее.

Я шагнул было вперед, но Аннабет остановила меня.

– Ни шагу больше! – предостерегла она. – Надо найти выход.

Она, похоже, была всерьез напугана.

– Да ладно! – сказал я. – Выход же прямо над...

Я задрал голову и осознал, что не вижу, откуда мы свалились. Над головой был сплошной камень. А коридор как будто бесконечно тянулся в обе стороны.

Аннабет потихоньку взяла меня за руку. В других обстоятельствах я бы смутился, но тут, в темноте, я был только рад знать, где она. Это было практически единственное, в чем я был сейчас уверен.

– Два шага назад! – предложила она.

Мы одновременно отступили на два шага, как будто стояли на минном поле.

– Хорошо, – сказала она. – Теперь дай я осмотрю стены.

– Зачем это?

– Знак Дедала, – объяснила она, как будто это что-то объясняло.

– Ну ладно... А какой...

– Нашла! – с облегчением воскликнула Аннабет. Она положила руку на стену и надавила на тоненькую трещину, которая засветилась голубым. Проступила греческая буква: Δ, древнегреческий знак «дельта».

Крыша распахнулась, мы увидели ночное небо, горящие в нем звезды. Было куда темнее, чем мы ожидали. В стене появились металлические скобы, ведущие наверх, и я услышал, как кто-то выкрикивает наши имена.

– Перси! Аннабет!

Громче всех слышался рев Тайсона, но и другие нас тоже звали.

Я нервно взглянул на Аннабет. И мы с ней полезли наверх.

Мы обогнули валуны и наткнулись на Клариссу и толпу других ребят с факелами.

– Где вас двоих носило? – осведомилась Кларисса. – Мы вас уже тыщу лет ищем!

– Нас же всего несколько минут не было! – возразил я.

Рысью прибежал Хирон, за ним Тайсон и Гроувер.

– Перси! – воскликнул Тайсон. – Ты в порядке?

– Все нормально, – сказал я. – Мы в дыру провалились.

Остальные скептически посмотрели на меня, потом на Аннабет.

– Честно! – произнес я. – На нас напали три скорпиона, мы бежали и спрятались в скалах. Но нас ведь не было всего пару минут!

– Вас искали почти час, – проговорил Хирон. – Игра окончена.

– Угу, – буркнул Гроувер. – И мы бы победили, но один циклоп на меня сел.

– Это случайно вышло! – запротестовал Тайсон и чихнул.

Золотой венок красовался на Клариссе, но она им не хвасталась, что было совершенно не в ее стиле.

– В дыру? – с подозрением переспросила она.

Аннабет перевела дух. Она окинула взглядом наших товарищей.

– Хирон... Может быть, об этом стоит побеседовать в Большом доме.

Кларисса ахнула.

– Вы его нашли, да?

Аннабет закусила губу.

– Я... ну да. Да, нашли.

Ребята принялись забрасывать нас вопросами – вид у них был такой же озадаченный, как у меня самого, – однако Хирон вскинул руку, призывая всех замолчать.

– Нынче не самое подходящее время, и тут не самое подходящее место.

Он посмотрел на валуны так, будто только теперь заметил, какие они опасные.

– Все по домикам! Ложитесь спать. Играли вы отлично, но час отбоя давно миновал.

Ребята зароптали и заныли, но принялись разбредаться, шепчась и бросая на меня подозрительные взгляды.

– Это многое объясняет, – сказала Кларисса. – Теперь понятно, что ищет Лука.

– Секундочку! – перебил я. – Что вы имеете в виду? Что мы нашли?

Аннабет обернулась ко мне. Глаза у нее озабоченно потемнели.

– Вход в Лабиринт. Место, через которое захватчики могут проникнуть прямо в лагерь!

Глава четвертая

Аннабет нарушает правила

Хирон настоял на том, чтобы побеседовать об этом с утра. Ага, конечно. «Знаете, вам грозит смертельная опасность. Спите спокойно!» – типа того. Уснуть оказалось непросто, но когда я наконец уснул, мне приснилась тюрьма.

Я увидел мальчишку в греческой тунике и сандалиях, который, съежившись, сидел один в громадном каменном помещении. Крыши у помещения не было, над головой виднелось ночное небо, но стены были метров шесть высотой, из полированного мрамора, совершенно гладкие. По помещению были разбросаны деревянные ящики. Часть из них треснула и развалилась, как будто их забрасывали сюда через стену. Наружу вывалились бронзовые инструменты: циркуль, пила и куча других, незнакомых предметов.

Мальчишка съежился в углу, дрожа от холода, а может быть, и от страха. Он был заляпан грязью. Ноги, руки и лицо были исцарапаны, как будто мальчишку волокли сюда вместе с ящиками.

Тут, стена, распахнулись двустворчатые дубовые двери. Двое стражей в бронзовых доспехах ввели старика. Его швырнули на пол, и он остался лежать бесформенной грудой.

– Отец! – мальчишка бросился к старику. Одежды последнего были изорваны в клочья. В волосах пробивалась седина, борода была длинная и курчавая. Нос переломан. На губах кровь.

Мальчишка обнял голову старика.

– Что они с тобой сделали?!

И заорал на стражников:

– Я вас убью!

– Сегодня никто никого не убьет, – откликнулся чей-то голос.

Стражники расступились. Позади них стоял высокий мужчина в белом одеянии. На голове у него блестел тонкий золотой обруч. Борода заостренная, как наконечник копья. Глаза жестоко блестели.

– Дедал, ты помог афинянам убить моего Минотавра. Ты настроил против меня мою собственную дочь!

– Это ты сделал сам, государь, – прохрипел старик.

Стражник пнул старика в бок. Тот мучительно застонал.

– Перестаньте! – вскрикнул мальчишка.

– Ты так любишь свой Лабиринт, – сказал царь, – что я решил оставить тебя здесь. Это будет твоя мастерская. Создавай для меня новые диковинки. Забавляй меня. В каждом лабиринте должно обитать чудовище. Моим чудовищем будешь ты.

– Я тебя не боюсь! – простонал старик.

Царь холодно улыбнулся. Он устремил взгляд на мальчика.

– Однако же твой сын тебе небезразличен, а? Попробуй прогневить меня, старик, и в следующий раз, когда я велю своей страже тебя покарать, кара падет на его голову!

Царь вышел из зала вместе со своей стражей, и двери захлопнулись. Мальчишка с отцом остались одни в темноте.

– Что же нам делать? – простонал мальчик. – Отец, они же тебя убьют!

Старик с трудом сглотнул. Он попытался улыбнуться, но губы у него были разбиты, и зрелище вышло чудовищное.

– Мужайся, сын мой.

Он посмотрел на звезды.

– Я... я найду выход.

На дверях со зловещим грохотом лязгнул засов, и я проснулся в холодном поту.

На следующее утро, когда Хирон созвал военный совет, меня все еще потряхивало. Мы встретились на фехтовальной арене. Мне это показалось весьма странным: обсуждать судьбу лагеря в присутствии Миссис О'Лири, которая грызла розового резинового яка с пищалкой, размером с настоящего.

Хирон с Квинтусом стояли впереди, у оружейных стоек. Кларисса с Аннабет сидели рядом – они вели собрание. Тайсон и Гроувер сели как можно дальше друг от друга. Кроме того, на круглом столе присутствовали: Можжевела, древесная нимфа, Селена Боргард, Тревис и Коннор Стоуллы, Бекендорф, Ли Флетчер, и даже Аргус, наш стокий начальник охраны. Только тут я понял, насколько все серьезно. Аргуса обычно не видно, не слышно, пока не стрясется что-нибудь действительно важное. Пока говорила Аннабет, все его сто голубых глаз были устремлены на нее, и смотрел он так пристально, что аж побагровел всем телом.

– Наверное, Лука знал про вход в Лабиринт, – сказала Аннабет. – Он тут, в лагере, все знает.

Мне почудилось, что в ее тоне слышится легкая гордость – как будто она его до сих пор уважает, хоть он и сделался злым.

Можжевела кашлянула.

– Собственно, это я и собиралась вам сказать вчера вечером. Вход в пещеру там уже давно. Лука не раз им пользовался.

Селена Боргард нахмурилась.

– Ты знала о входе в Лабиринт и никому ничего не сказала?

Можжевела позеленела.

– Я же не знала, что это что-то важное! Пещера и пещера. Не люблю пещеры, они гадкие.

– У нее хороший вкус, – заметил Гроувер.

– Я бы на нее и внимания не обратила, но... в общем, это был Лука.

Она позеленела еще сильнее – дриады так краснеют.

Гроувер надулся.

– Забудьте то, что я сказал насчет ее вкуса!

– Интересно... – протянул Квинтус, полируя свой меч. – И вы полагаете, что этот молодой человек, Лука, решится воспользоваться Лабиринтом, чтобы организовать вторжение?

– Наверняка, – ответила Кларисса. – Если он сумеет провести войско чудовищ прямо в Лагерь полукровок, просто появится посреди леса, и все, и ему не придется иметь дела с нашими магическими границами, то нам не выстоять. Он нас просто сметет. Видимо, он планировал это уже несколько месяцев.

– Он отправлял в Лабиринт разведчиков, – сказала Аннабет. – Мы об этом знаем, потому что... потому что мы нашли одного из них.

– Криса Родригеса, – уточнил Хирон. И многозначительно посмотрел на Квинта.

– А-а! – произнес Квинтус. – Того самого, который... Да. Понимаю.

– Того самого, который что? – переспросил я.

Кларисса зыркнула на меня.

– Короче, главное, что Лука искал способ ориентироваться в Лабиринте. Он ищет мастерскую Дедала.

Я вспомнил свой сегодняшний сон – окровавленный старик в изорванных одеждах.

– Того мужика, что создал Лабиринт.

– Да, – сказала Аннабет. – Величайшего архитектора, величайшего изобретателя всех времен. Если легенды не лгут, в центре Лабиринта находится его мастерская. Дедал – единственный, кто досконально знает, как ориентироваться в Лабиринте. И если Луке удастся найти мастерскую и убедить Дедала ему помочь, ему не придется блуждать там наугад или рисковать

потерять свое войско в ловушках Лабиринта. Он сможет попасть куда угодно – быстро и наверняка. Сперва в Лагерь полукровок, чтобы уничтожить нас. А потом... потом на Олимп.

На арене воцарилась тишина. Слышался лишь писк игрушечного яка, которого потрошила Миссис О'Лири.

Наконец Бекендорф положил свои лапищи на стол.

– Стоп, секундочку. Аннабет, ты сказала «убедить Дедала»? Но разве он не умер?

Квинтус хмыкнул.

– Да уж, надеюсь! Когда он там жил-то? Три тысячи лет назад? И даже если он жив – ведь в преданиях говорится, что он бежал из Лабиринта, разве нет?

Хирон нервно переступил копытами.

– В этом-то и проблема, дорогой Квинтус. Этого никто не знает. Ходят слухи... в общем, о Дедале ходит немало тревожных слухов, но один из них гласит, что под конец своей жизни он снова исчез в Лабиринте. Возможно, он и поныне там.

Я подумал о старике, которого видел во сне. Он выглядел таким хилым – просто не верилось, что он протянет хотя бы неделю, не говоря уже о трех тысячах лет!

– Нам придется войти туда, – объявила Аннабет. – Нужно отыскать мастерскую раньше Луки. Если Дедал жив, мы убедим его помогать нам, а не Луке. Если нить Ариадны по-прежнему существует, мы позаботимся о том, чтобы она никогда не попала в руки Луки.

– Секундочку! – сказал я. – Но если мы тревожимся из-за нападения, почему бы нам просто не взорвать выход? Завалить ход, да и дело с концом.

– Клевая идея! – воскликнул Гроувер. – Динамит я добуду!

– Это не так-то просто, дурачье! – буркнула Кларисса. – Мы же пробовали проделать это с тем входом, который нашли в Фениксе. Ничего хорошего не вышло.

Аннабет кивнула.

– Перси, Лабиринт – это магическое сооружение. Для того чтобы уничтожить хотя бы один из его входов, требуется огромная сила. Кларисса снесла целое здание уничтожающим шаром, а вход в Лабиринт всего лишь сместился на пару метров. Лучшее, что мы можем сделать, – это помешать Луке научиться ориентироваться в Лабиринте.

– Мы можем принять бой, – предложил Ли Флетчер. – Теперь мы знаем, где находится вход. Можно занять оборону и ждать их. Если у выхода появится войско, мы будем ждать наготове с луками.

– Оборону занять, безусловно, надо, – согласился Хирон. – Но, боюсь, Кларисса права. Магические границы хранили этот лагерь на протяжении сотен лет. И если Луке удастся провести большое войско чудовищ прямо в центр лагеря, миновав границы... возможно, у нас не хватит сил их остановить.

Эти новости никого особо не порадовали. Хирон обычно старался быть жизнерадостным и оптимистичным. И если уж он предрекает, что нам не выстоять, значит, дело плохо.

– Нужно найти мастерскую Дедала первыми! – настаивала Аннабет. – Отыскать нить Ариадны и сделать так, чтобы Лука не смог ею воспользоваться.

– Но если там никто не может ориентироваться, – сказал я, – есть ли у нас шанс туда попасть?

– Я много лет изучаю архитектуру, – произнесла она. – Лабиринт Дедала я знаю лучше, чем кто бы то ни было.

– По книжкам, ага.

– Ну да...

– Этого мало.

– Должно хватить!

– Ничего подобного!

– Так ты будешь мне помогать или нет?

Я осознал, что все пялятся на нас с Аннабет, как будто мы в пинг-понг режемся. Як Миссис О'Лири жалобно пикнул – она оторвала ему розовую резиновую голову.

Хирон кашлянул.

– Давайте по порядку. Нам предстоит совершить подвиг. Кому-то из нас придется спуститься в Лабиринт, отыскать мастерскую Дедала и помешать Луке воспользоваться Лабиринтом, чтобы проникнуть в наш лагерь.

– Кто должен возглавлять экспедицию – это ясно всем, – сказала Кларисса. – Аннабет.

Все одобрительно загомонили. Я знал, что Аннабет ждала своего подвига с детства, но все же видно было, что ей не по себе.

– Но и ты, Кларисса, сделала не меньше моего, – произнесла она. – Ты тоже должна идти. Кларисса покачала головой.

– Нет, я туда больше не полезу.

Тревис Стоулл расхохотался.

– Ой, только не говори, что тебе страшно! Кларисса – и вдруг струсила?

Кларисса поднялась на ноги. Я думал, она Тревиса по земле размажет, но она сказала дрожащим голосом:

– Придурок! Ничего ты не понимаешь! Я туда больше никогда не полезу. Никогда!

И она вихрем умчалась с арены.

Тревис виновато огляделся.

– Я не хотел...

Хирон вскинул руку.

– У бедной девушки был трудный год. Итак: все ли согласны, что возглавлять экспедицию должна Аннабет?

Все кивнули – кроме Квинтуса. Он сложил руки на груди и смотрел в стол, но я не уверен, заметил ли это кто-нибудь, кроме меня.

– Хорошо.

Хирон обернулся к Аннабет.

– Дорогая, наступил твой черед обратиться к Оракулу. Если ты вернешься целой и невредимой, мы обсудим, что делать дальше.

Ждать возвращения Аннабет было тяжелее, чем ходить к Оракулу самому.

Я слышал его пророчества дважды. В первый раз это было на пыльном чердаке Большого дома, где обитал Дельфийский дух, дремлющий в теле мумифицированной хиппи. Второй раз Оракул выбрался погулять в лесу. Тот случай до сих пор снился мне в кошмарах.

Особо опасным Оракул мне никогда не казался, однако я был наслышан о всяком: бывало, что ребята сходили с ума или им являлись видения, настолько правдоподобные, что они умирали от страха.

Я рассказывал по арене и ждал. Миссис О'Лири обедала: ее обед состоял из полцентнера говяжьего фарша и нескольких собачьих галет размером с крышку от мусорного бака. Интересно, где Квинтус берет такие огромные галеты? Вряд ли можно просто прийти в зоомагазин и взять их на полочке...

Хирон был поглощен беседой с Квинтусом и Аргусом. Мне казалось, что они о чем-то спорят. Квинтус все качал головой.

На другом конце арены Тайсон и братья Стоулл играли в миниатюрные бронзовые колесницы, которые Тайсон соорудил из обломков доспехов.

Я перестал рассказывать и ушел с арены. Я смотрел через поля на чердачное окно Большого дома. Там было темно и тихо. Почему Аннабет так задерживается? Я был почти уверен, что мне потребовалось куда меньше времени, чтобы получить свой подвиг!

И тут я услышал девичий шепот:

– Перси!

Можжевела стояла в кустах. Она буквально растворялась среди зелени – даже удивительно.

Она нетерпеливо поманила меня к себе.

– Тебе следует знать: Лука был не единственным, кого я видела у той пещеры!

– Что ты имеешь в виду?

Она оглянулась на арену.

– Я пыталась кое-что сказать, но он был там...

– Кто?

– Инструктор по фехтованию, – заявила она. – Он что-то вынюхивал среди камней.

У меня засосало под ложечкой.

– Квинтус? Когда?

– Не знаю. Я не обращаю внимания на время. Может быть, неделю назад, когда он появился тут впервые.

– И что он делал? Он спускался под землю?

– Я... я точно не знаю. Он такой страшный, Перси! Я даже не видела, как он появился на поляне. Он просто вдруг оказался там. Ты скажи Гроуверу, что это слишком опасно...

– Можжевела! – окликнул Гроувер с арены. – Ты куда делаешь?

Дриада вздохнула.

– Мне надо идти. Помни, что я сказала! Не доверяй этому человеку!

И она побежала на арену.

Я уставился на Большой дом. Мне еще сильнее сделалось не по себе. Если Квинтус действительно что-то затевает... Мне был нужен совет Аннабет. Уж она-то сумеет решить, что делать с новостями Можжевелы. Но куда же она запропастилась-то? Что бы там ни происходило у Оракула, это не должно было занять столько времени!

И вот наконец я не выдержал.

Это было против правил – но что такого, никто же не видит! Я сбежал с холма и пустился напрямик через поля.

В ближнем зале Большого дома было непривычно тихо. Я привык, что у огня всегда сидит Дионис, играет в карты, ест виноград и донимает сатиров. Но мистер Д. все еще был в отъезде.

Я пошел по коридору. Пол под ногами скрипел. Дойдя до лестницы, я заколебался. Четырьмя этажами выше находился небольшой люк, ведущий на чердак. Аннабет, видимо, где-то там. Я постоял, прислушиваясь. Но услышал то, чего совсем не ожидал.

Кто-то плакал. Причем плач доносился откуда-то снизу.

Я осторожно обогнул лестницу. Дверь в подвал была открыта. А я даже и не знал, что в Большом доме есть подвал. Я заглянул в дверь и увидел в дальнем углу, у ящиков с амброзией и клубничным вареньем, двоих. Одна была Кларисса. Второй – подросток-латинос, в драных камуфляжных штанах и грязной черной футболке. Волосы у него были сальные и свалявшиеся. Парень всхлипывал, обхватив себя руками за плечи. Это был Крис Родригес, полукровка, который переметнулся на сторону Луки.

– Все нормально, – говорила ему Кларисса. – Вот, хлебни еще нектарчику.

– Мэри, ты мне мерещишься! – Крис забился еще дальше в угол. – У-уйди!

– Я не Мэри.

Кларисса говорила тихо, но ужасно грустно. Я даже не знал, что она может говорить таким тоном.

– Меня зовут Кларисса. Запомни. Пожалуйста.

– Тут темно! – взвыл Крис. – Так темно!

– Выйди на улицу, – уговаривала его девушка. – Солнечный свет тебе поможет.

– Т-тысяча черепов! Земля его все время исцеляет.

– Крис! – умоляюще воскликнула Кларисса. Казалось, она сама вот-вот расплчется. – Тебе должно стать лучше! Ну пожалуйста! Скоро мистер Д. вернется. Он знает о безумии все. Ты только продержишься до его приезда.

Глаза у Криса были, как у крысы, загнанной в угол: дикие и отчаянные.

– Тут нет выхода, Мэри! Выхода нет!

Тут он заметил меня и издал придушенный, испуганный возглас.

– Сын Посейдона! Он ужасен!

Я попятился, надеясь, что Кларисса меня не заметила. Я прислушался, ожидая, что она бросится к двери и начнет на меня орать, но нет: она продолжала разговаривать с Крисом все тем же грустным, умоляющим тоном, пытаясь напоить его нектаром. Может, она решила, что это часть галлюцинаций Криса, но... «сын Посейдона»? Крис смотрел на меня, однако мне почему-то казалось, что говорил он вовсе не обо мне.

И эта нежность в голосе Клариссы... мне никогда даже в голову не приходило, что ей кто-то может нравиться, – но, судя по тому, как она произносила его имя... Она знала его до того, как он переметнулся на сторону Луки. И знала куда ближе, чем я думал. И вот теперь он дрожит в темном подвале, боясь выйти наружу, и бормочет о какой-то «Мэри»... Неудивительно, что Кларисса не желает иметь ничего общего с Лабиринтом. Что же произошло с Крисом там?

Сверху донесся скрип – похоже, открыли ход на чердак, – и я бросился к выходу. Надо было убираться отсюда.

– Дорогая моя! – сказал Хирон. – Тебе это удалось!

Аннабет вышла на арену и села на каменную скамью, глядя в пол.

– Ну? – спросил Квинтус.

Сначала Аннабет посмотрела на меня. Не знаю, то ли она пыталась меня предупредить, то ли в глазах у нее был просто страх. Потом она перевела взгляд на Квинта.

– Я услышала пророчество. Я возглавлю экспедицию по поискам мастерской Дедала.

Радостных криков не последовало. Ну, в смысле, мы все любили Аннабет и всем хотелось, чтобы она совершила свой подвиг, но это дело выглядело безумно опасным. Теперь, когда я повидал Криса Родригеса, мне не хотелось даже думать о том, что Аннабет предстоит снова спуститься в этот жуткий лабиринт.

Хирон копнул копытом землю на арене.

– И что же говорилось в том пророчестве, дорогая? Нам важно знать точно.

Аннабет вздохнула.

– Ну, я... э-э... в общем, там говорилось: «Ты во тьму бесконечных тоннелей войдешь...» Мы ждали.

– «Мертвеца, подлеца и потерю найдешь».

Гроувер явно воспрянул духом.

– Потерю? Это, наверное, про Пана! Вот здорово!

– Ага, и еще мертвеца и подлеца, – добавил я. – Не так уж это здорово.

– И? – спросил Хирон. – И что дальше?

– «Царь призраков смерть иль победу несет, – закончила Аннабет. – Смертный бой дитя Афины ждет».

Все испуганно переглянулись. Аннабет была дочерью Афины, и вот это, насчет «смертного боя», звучало весьма зловеще.

– Эй, не надо делать поспешных выводов! – сказала Селена. – Аннабет ведь не единственное дитя Афины, верно?

– А кто такой этот «царь призраков»? – спросил Бекендорф.

Никто не ответил. Я подумал о послании Ириды, в котором я видел Нико, призывающего духов. У меня возникло неприятное ощущение, что пророчество как-то связано с этим.

– Это последние строки? – спросил Хирон. – Пророчество выглядит неоконченным.

Аннабет заколебалась.

– Я точно не помню...

Хирон вскинул бровь. Аннабет была известна своей хорошей памятью. Она никогда не забывала того, что слышала.

Аннабет поерзала на скамейке.

– Что-то насчет «Кончина героя заклятье развеет...».

– И? – спросил Хирон.

Она встала.

– Слушайте, главное, что я должна идти туда. Я найду мастерскую и остановлю Луку. И... и мне нужна помощь.

Она обернулась ко мне.

– Ты идешь?

Я даже не задумался.

– Я с тобой!

Она улыбнулась – впервые за несколько дней, и все это того стоило.

– А ты, Гроувер? Лесной бог ждет тебя!

Гроувер как будто забыл, до чего он ненавидит подземелья. Строчка насчет «потерю найдешь» его чрезвычайно ободрила.

– Пойду, наберу всякого мусора, чтобы было что погрызть в дороге!

– И ты, Тайсон, – сказала Аннабет. – Ты мне тоже понадобишься.

– Эге-гей! Время взрывать!

Тайсон так шумно захлопал в ладоши, что разбудил Миссис О'Лири, которая прикорнула в уголке.

– Постой, Аннабет! – произнес Хирон. – Это противоречит древним законам. Герою дозволено иметь всего двух спутников.

– Но мне нужны они все! – возразила она. – Хирон, это важно!

Я не знал, отчего она так уверена, но я был рад, что она позвала Тайсона. Я не мог представить, как я останусь без него. Он был огромный, сильный и круто разбирался во всяких механических штуках. И циклопы, в отличие от сатиров, отлично чувствуют себя под землей.

– Аннабет, – Хирон нервно взмахнул хвостом, – подумай хорошенько! Ты нарушишь древние законы, а это всегда влечет за собой последствия. Прошлой зимой пятеро отправились на подвиг, спасти Артемиду. Вернулись только трое. Подумай об этом. Три – священное число. Три паркы, три фурии, три олимпийца, сына Кроноса. Три – хорошее, надежное число, оно способно противостоять многим опасностям. А четыре... это рискованно.

Аннабет вздохнула.

– Я знаю. Но так надо. Пожалуйста!

Я видел, что Хирону это не нравится. Квинтус изучающе смотрел на нас, словно прикидывал, кто из нас вернется живым.

Кентавр вздохнул.

– Ну, хорошо. Отложим этот вопрос. Пусть участники похода начинают готовиться. Завтра, на рассвете, мы отправим вас в Лабиринт.

Когда совет начал расходиться, Квинтус отвел меня в сторону.

– У меня дурное предчувствие, – сказал он мне.

Подбежала Миссис О'Лири, радостно виляя хвостом. Она бросила к моим ногам свой щит, я его ей кинул. Квинтус проводил ее взглядом. Я вспомнил слова Можжевель о том, что

он разнюхивал вход в Лабиринт. Я не доверял Квинтусу, но, когда он посмотрел на меня, я увидел в его глазах неподдельную озабоченность.

– Мне не нравится идея отправить вас туда, – произнес он. – Никого из вас. Но, если уж это так необходимо, запомните одну вещь. Лабиринт существует затем, чтобы сбивать с толку. Он будет отвлекать вас. Это опасно для полукровок. Мы легко отвлекаемся.

– А вы там бывали?

– Давным-давно, – его голос сделался хриплым. – И еле вырвался живым. Большинству из тех, кто туда спускается, везет меньше.

Он стиснул мое плечо.

– Перси, все время думай о главном. Если у тебя это получится, ты, быть может, и найдешь путь. И вот, я хочу дать тебе одну вещь.

Он протянул мне серебристую трубочку. Она была такая холодная, что я ее чуть не выронил.

– Свисток? – спросил я.

– Собачий свисток, – сказал Квинтус. – Для Миссис О’Лири.

– Спасибо, конечно, но...

– Подействует ли он в Лабиринте? На сто процентов не уверен. Но Миссис О’Лири все-таки адская гончая. Она может являться, когда ее позовут, как бы далеко она ни была. Мне будет спокойнее, если я буду знать, что у тебя есть эта штука. Если вам действительно понадобится помощь, используй ее. Но будь осторожен: свисток сделан из стигийского льда.

– Какого-какого?

– Льда с реки Стикс. Очень неподатливый материал. И очень хрупкий. Растаять он не может, но, когда в него подуешь, он разлетится вдребезги, так что использовать его можно только один раз.

Я подумал о Луке, своем старом враге. Перед тем, как я отправился на свой первый подвиг, Лука тоже сделал мне подарок: волшебные кроссовки, которые были устроены так, чтобы привести меня к гибели. Квинтус выглядел таким хорошим. Он так беспокоился обо мне. И Миссис О’Лири его любит – а это тоже что-нибудь да значит. Она бросила обшляванный щит к моим ногам и взбудораженно гавкнула.

Мне сделалось стыдно. Как я вообще мог не доверять Квинтусу? Но, с другой стороны, Луке я тоже когда-то доверял...

– Спасибо, – сказал я Квинтусу. Я сунул ледяной свисток в карман, пообещав себе, что ни за что им не воспользуюсь, и помчался разыскивать Аннабет.

За все время, что я был в лагере, я ни разу не появлялся в домике Афины.

Это было серебристо-серое здание, без особых выкрутасов, с простыми белыми занавесочками и высеченной из камня совой над входом. Ониксовые глаза совы как будто следили за мной, когда я подошел к порогу.

– Эй! – окликнул я.

Никто не отозвался. Я шагнул внутрь – и затаил дыхание. Это место было мастерской для вундеркиндов. Койки были сдвинуты к стенке, как будто сон тут не имел особого значения. Большая часть помещения была занята верстаками и лабораторными столами, заваленными инструментами, орудиями и оружием. В глубине комнаты находилась огромная библиотека, набитая древними свитками, переплетенными в кожу фолиантами и книжками в мягкой обложке. Там стоял кулман со множеством линеек и транспортиров, и несколько объемных моделей зданий. На потолок были наклеены огромные карты древних сражений. Под окнами висели доспехи, бронзовые пластины сверкали на солнце.

Аннабет стояла в глубине комнаты и рылась в старинных свитках.

– Тук-тук! – сказал я.

Она вздрогнула и обернулась.

– Ой! Привет. Я тебя не слышала.

– С тобой все в порядке?

Она, хмурясь, смотрела на свиток, который держала в руках.

– Я просто пытаюсь кое-что выяснить. Лабиринт Дедала такой огромный. И во всех историях рассказывается разное. Карты ведут из ниоткуда в никуда.

Я подумал о том, что говорил Квинтус: что Лабиринт пытается тебя отвлечь. Интересно, Аннабет об этом уже знает?

– Ничего, разберемся, – пообещал я.

Ее волосы спадали на лицо спутанной светлой завесой. Серые глаза сделались почти черными.

– Я мечтала возглавить поход с семи лет! – сказала она.

– У тебя все будет круто.

Она взглянула на меня с благодарностью, но тут же снова уставилась на все свитки и книги, которые снимала с полок.

– Тревожно мне, Перси. Может, мне не стоило звать с собой тебя. Или Тайсона. Или Гроувера.

– Слушай, но мы же твои друзья! Нам бы не хотелось упустить такой случай.

– Но... – она остановилась.

– В чем дело? – спросил я. – Пророчество?

– Я уверена, что все будет в порядке, – сказала она слабым голосом.

– Что же там было в последней строчке?

И тут Аннабет удивила меня по-настоящему. Она сморгнула слезы и протянула ко мне руки.

Я шагнул вперед и обнял ее. В животе у меня замельтешили бабочки, как толпа в фан-зоне.

– Слушай, ты это... все будет в порядке!

Я погладил ее по спине.

Я остро сознавал все, что было вокруг. Мне казалось, я могу прочитать каждый заголовок на корешках книг, даже то, что написано самыми мелкими буквами. От волос Аннабет пахло лимонным мылом. Она дрожала.

– Может быть, Хирон прав... – проговорила она. – Я нарушаю правила. Но я не знаю, что еще делать. Вы мне нужны, все трое. Я чувствую, что так должно быть.

– Ну, так и не тревожься, – посоветовал я. – У нас и раньше бывали проблемы, справлялись же как-то.

– Это другое дело. Я не хочу, чтобы что-то случилось с... с любым из вас.

У меня за спиной кто-то кашлянул.

Это был один из сводных братьев Аннабет, Малькольм. Лицо у него побагровело.

– Э-э... извините, – сказал он. – Аннабет, там тренировка по стрельбе из лука начинается.

Хирон сказал найти тебя.

Я отступил на шаг от Аннабет.

– Мы просто смотрели карты, – тупо соврал я.

Малькольм уставился на меня.

– Ага...

– Скажи Хирону, я сейчас приду, – проговорила Аннабет, и Малькольм поспешно смылся.

Она вытерла глаза.

– Иди, Перси. Мне надо собираться на тренировку.

Я кивнул. Я еще никогда в жизни не испытывал такого смущения. Мне тоже хотелось выбежать из домика, но... я остался.

– Аннабет! – произнес я. – Насчет твоего пророчества. Та строчка про «кончину героя»...

– Ты хочешь спросить, какого героя? Я не знаю.

– Да нет, я про другое. Последняя строчка обычно рифмуется с предыдущей. Может быть, можно по рифме угадать, что...

Аннабет потупилась, не сводя глаз со свитков.

– Ступай, Перси, ладно? Иди, готовься к походу. Я... в общем, утром увидимся.

И она осталась стоять, глядя на карты, ведущие из ниоткуда в никуда. Уходя, я не мог избавиться от предчувствия, что один из нас из этого похода живым не вернется.

Глава пятая

Нико покупает «Хэппи Милы» мертвецам

Ну что ж, я, как минимум, сумел хорошенько выспаться перед походом, ага?

Как бы не так.

В ту ночь во сне я очутился в пассажирском салоне «Царевны Андромеды». Распахнутые окна смотрели на озаренное луной море. Холодный ветер трепал бархатные шторы.

Лука стоял на коленях на персидском ковре, перед золотым саркофагом Кроноса. При свете луны светлые волосы Луки выглядели совершенно белыми. На нем был древнегреческий хитон и с плеч ниспадал белый гиматий, нечто вроде плаща. В белых одеждах Лука казался лишенным возраста и чуточку нереальным, словно он был одним из младших богов на Олимпе. В последний раз, когда я его видел, он был весь изранен и лежал без сознания после ужасного падения на горе Тамалпаис. Но теперь он выглядел совершенно здоровым. Пожалуй, даже чересчур здоровым.

– Шпионы докладывают об успехе, мой повелитель, – говорил он. – Лагерь полукровок высылает героев на подвиг, как ты и предсказывал. Мы практически выполнили свою половину сделки.

«Великолепно. – Голос Кроноса не столько прозвучал в моей голове, сколько пронзил ее, будто кинжалом. Он был пронизан ледяной жестокостью. – Как только мы получим возможность ориентироваться, я сам возглавлю авангард!»

Лука прикрыл глаза, словно собираясь с мыслями.

– Повелитель, может быть, еще слишком рано. Может быть, возглавить авангард следует Крису или Гипериону...

«Нет, – голос звучал тихо, но непреклонно. – Поведу я. Еще одна, последняя душа присоединится к нашему делу, и этого будет достаточно. Я наконец-то полностью восстану из Тарара».

– Но твой облик, повелитель... – голос Луки начинал дрожать.

«Покажи мне твой меч, Лука Кастеллан».

Я вдруг сообразил, что никогда прежде не слышал фамилии Луки, и даже не задумывался об этом.

Лука обнажил меч. Обоюдоострое лезвие Коварного Меча, наполовину сталь, наполовину – небесная бронза, зловеще сияло. Несколько раз этот меч чуть меня не убил. Это было грозное оружие, способное убивать и смертных, и чудовищ. Единственный клинок, которого я страшился по-настоящему.

«Ты принес мне клятву верности, – напомнил Кронос. – Ты принял этот меч, как залог своей клятвы».

– Да, повелитель. Просто...

«Ты хотел могущества. Я дал тебе могущество. Теперь ничто не причинит тебе вреда. Скоро ты станешь править миром богов и смертных. Или ты не хочешь отомстить за себя? Увидеть, как Олимп будет уничтожен?»

По телу Луки пробежала дрожь.

– Хочу.

Гроб засветился. Комната наполнилась золотым светом.

«Тогда готовь войско! Как только сделка будет выполнена, мы двинемся вперед. Для начала мы обратим в прах Лагерь полукровок. А как только эти несносные герои будут уничтожены, мы двинемся на Олимп!»

В двери салона постучали. Исходящий от гроба свет угас. Лука встал. Он убрал меч в ножны, оправил свои белые одежды и глубоко вздохнул.

– Войдите!

Дверь отворилась. В салон скользнули две дракайны – женщины-драконицы, с двойным змеиным хвостом вместо ног. Между ними шла Келли, эмпуса-чирлидерша, с которой я встретился на дне открытых дверей.

– Привет, Лука! – улыбнулась Келли. На ней было красное платье, и смотрелась она отпадно, но я-то видел ее истинный облик. Я знал, что скрывается под красивой внешностью: разные ноги, багровые глаза, клыки и пылающие волосы.

– В чем дело, демоница? – холодно осведомился Лука. – Я же велел тебе не тревожить меня.

Келли надулась.

– Фу, как нехорошо! Что ты такой напряженный? Хочешь, я тебе плечики разомну?

Лука попятился.

– Если тебе есть о чем доложить, докладывай! А если нет – проваливай.

– Не понимаю, чего ты такой злющий последнее время. Раньше ты был такой славный!

– Это было до того, как я увидел, что ты сделала с тем мальчишкой в Сиэтле.

– Ну, он для меня ничего не значил, – сказала Келли. – Так, закуска. Ты ведь знаешь, что мое сердце принадлежит тебе, Лука!

– Спасибо, не надо. Докладывай либо ступай вон!

Келли пожала плечами.

– Ладно. Передовой отряд готов, как ты и просил. Мы можем выступать...

Она нахмурилась.

– В чем дело? – спросил Лука.

– Чье-то присутствие, – ответила Келли. – Твои чувства теряют остроту, Лука. За нами следят.

Она обвела салон взглядом – и уставилась прямо на меня. Ее лицо исказилось, сделавшись лицом ведьмы. Она оскалилась и ринулась в атаку.

Я резко пробудился. Сердце отчаянно колотилось. Я мог бы поклясться, что клыки эмпусы были в нескольких сантиметрах от моей глотки.

На соседней койке храпел Тайсон. Его храп слегка меня успокоил.

Я не знал, как Келли удалось почуять меня во сне, но я слышал больше, чем мне хотелось бы знать. Войско готово. Его возглавит сам Кронос. Все, что им требуется, – это способ ориентироваться в Лабиринте, чтобы иметь возможность выйти наружу и разгромить Лагерь полукровок, и, по всей видимости, Лука считает, что этот способ у них будет очень скоро.

Я испытывал искушение пойти, разбудить Аннабет и все ей рассказать. Ну и что, что середина ночи. Но тут я осознал, что в комнате как-то посветлело. От фонтанчика с морской водой исходило зелено-голубое сияние, куда более яркое и отчетливое, чем накануне ночью. Казалось, вода тихонько гудит.

Я встал с постели и подошел к фонтанчику.

На этот раз никакого голоса, требующего плату, я не услышал. Казалось, будто фонтанчик ждет, когда я сам сделаю первый шаг.

Наверно, мне следовало вернуться в постель. Но вместо этого я подумал о том, что видел прошлой ночью: Нико на берегах Стикса.

– Ты пытаешься мне что-то сообщить, – сказал я.

Фонтанчик ничего не ответил.

– Ладно, – произнес я. – Покажи мне Нико ди Анджело.

Мне даже не пришлось кидать монетку. На сей раз это не имело значения. Как будто водой, помимо Ириды, богини-посланницы, овладела какая-то иная сила. Вода замерцала. Я увидел Нико – но уже не в подземном мире. Он стоял на кладбище, над головой было звездное небо. Вокруг возвышались старые ивы.

Нико наблюдал за работой каких-то могильщиков. Я слышал шорох лопат, видел землю, вылетающую из ямы. Нико был одет в черный плащ. Ночь была туманная. Было тепло и влажно, квакали лягушки. У ног Нико стоял большой пакет из супермаркета.

– Ну что, яма достаточно глубокая? – осведомился парень. Голос у него был раздраженный.

– Еще немного, мой повелитель.

Это был тот самый призрак, которого я видел с Нико прежде: слабо мерцающая человеческая фигура.

– Но повторю еще раз, повелитель: в этом нет необходимости. Ведь у тебя уже есть я и мои советы!

– А я хочу выслушать еще чье-нибудь мнение!

Нико щелкнул пальцами, и шорох лопат утих. Из ямы выбрались две фигуры. Это были не люди. Скелеты в лохмотьях.

– Вы свободны, – сказал Нико. – Спасибо большое.

Скелеты рассыпались на груды костей.

– Лопаты бы еще поблагодарил, – заметил призрак. – Соображения у них столько же.

Нико не обратил на него внимания. Он полез в пакет из супермаркета и вытащил упаковку кока-колы на двенадцать банок. Нико открыл банку и, вместо того, чтобы выпить, вылил ее в могилу.

– Да вкусят мертвые пищи, – пробормотал он. – Да восстанут они и примут приношение. Да вспомнят они былую жизнь.

Он вылил в могилу всю колу до капли и достал белый бумажный пакет с мультяшными персонажами. Я таких уже много лет не видел, но сразу вспомнил, что это: «Хэппи Мил» из «Макдональдса».

Нико перевернул пакет вверх ногами и высыпал в могилу гамбургер и картошку-фри.

– В мое время использовали кровь животных, – буркнул призрак. – Их бы вполне устроило. Они все равно не чувствуют разницы.

– Я буду обращаться с ними с уважением, – сказал Нико.

– Ну хоть игрушку мне оставь! – произнес призрак.

– Молчи! – приказал Нико. Он вылил в могилу вторую упаковку газировки и вытряхнул туда еще три «Хэппи Мила», а потом заговорил нараспев на древнегреческом. Я разбирал только отдельные слова: там много говорилось о мертвых, о памяти и о возвращении из могилы. Короче, все такое веселенькое.

Могила забурлила. Пенистая коричневая жидкость поднялась вровень с краями, как будто яма целиком заполнилась газировкой. Туман сгустился. Лягушки умолкли. Среди надгробий появились десятки фигур: голубоватые, отдаленно напоминающие человеческие. Нико поднял мертвых с помощью кока-колы и чизбургеров.

– Их слишком много! – нервозно заметил призрак. – Ты не знаешь собственной силы!

– Ничего, все под контролем! – ответил Нико, хотя его голос сделался ломким. Он обнажил меч – короткий клинок из черного-черного металла. Никогда такого не видел. Не небесная бронза и не сталь. Железо, может? Толпа теней шархнула назад при виде меча.

– По одному! – приказал Нико.

Одинокая фигура выплыла вперед, приникла к яме и с хлопанием принялась пить. Прозрачные руки вылавливали из лужи картошку-фри. Когда фигура выпрямилась, она сделалась

видна более отчетливо: юноша в греческих доспехах. У него были курчавые волосы и зеленые глаза, и плащ застегивался пряжкой в форме раковины.

– Кто ты? – спросил Нико. – Говори!

Молодой человек наморщил лоб, словно пытаясь вспомнить. Потом заговорил голосом, похожим на шелест мятой бумаги:

– Я – Тезей.

«Не может быть! – подумал я. – Не может он быть тем самым Тезеем. Это же просто мальчишка!» Я вырос на историях о том, как он сразил Минотавра и все такое прочее, но я всегда представлял себе Тезея таким могучим, громадным дядькой. А призрак, которого я видел, не выглядел ни сильным, ни высоким. Да он же не старше меня!

– Как мне вернуть свою сестру? – спросил Нико.

Глаза Тезея были безжизненны, как стекло.

– Даже не пробуй. Это безумие.

– Просто ответь!

– Мой приемный отец умер, – вспомнил Тезей. – Он кинулся в море потому, что подумал, будто я погиб в Лабиринте. Я хотел его вернуть, но не смог.

Призрак-прислужник Нико зашипел:

– Повелитель, обмен душ! Спроси про обмен душ!

Тезей нахмурился.

– Этот голос. Я знаю этот голос.

– Ничего ты не знаешь, глупец! – сказал призрак. – Просто отвечай на вопросы господина и ничего больше не говори.

– Я тебя знаю, – настаивал Тезей, словно пытаясь вспомнить.

– Я хочу узнать о своей сестре, – произнес Нико. – Поможет ли этот поход в Лабиринт вернуть ее назад?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.